

МЕРВ В ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ВОСТОКА

Тезисы докладов

Ашхабад 1990

ТССР ҒЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ Ш.БАТЫРОВ
АДЫНДАКЫ ТАРЫХ ИНСТИТУТЫ

МЕРВ ГҮНДОГАРЫН, ГАДЫМЫ ВЕ ОРТА АСЫР ТАРЫХЫНДА
ДИЕН ЫЛЫМЫ МАСЛАХАТЫҢ, ДОКЛАДЛАРЫНЫҢ, БЕЯНЫ

АШГАБАТ • ЫЛЫМ • 1990

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. Ш. БАТЫРОВА

МЕРВ В ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОКА

Тезисы
докладов научного симпозиума

АШХАБАД · ҮЛҮМ · 1990

ББК 63.3 (2)

М 52

Редакционная коллегия:

М.А.Аннанепесов - акад.АН ТССР (отв.редактор)

В.М.Массон, Э.А.Мурадова

Мерв в древней и средневековой истории Востока. Тезисы докладов научного симпозиума. - А.:Ылым, 1990. 92 с.

УДК 503010000-061
М ~~561 (14) - 90~~ -- Заказное-90

ББК 63. 3 (2)

ISBN 5-8338-0414-0

© Институт истории им.Ш.Батырова
Академии наук Туркменской ССР, 1990

В.М.Массон

МКРВ - "ДУША ЦАРЕЙ" ВО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

(Ленинград)

1. Крупные городские центры являются символами своей эпохи, наиболее репрезентативными представителями политических, экономических и культурных достижений своего времени, контейнерами интеллектуального потенциала. Обычно великие города характеризуют одну эпоху, что особенно показательно для древнего мира. Таковы Вавилон и Афины, Мохенджо-даро и Тенокчитлан. Города, ставшие передовыми центрами в пору средневековья, нередко сохраняют свое эталонное значение и в новое время, демонстрируя тесную связь и преемственность двух эпох. Таковы многие современные мегаполисы от Парижа до Киева и Дели. При этом имеется в виду не просто сам факт наличия в данном месте какого-либо поселения, в том числе и городка, а именно выдающаяся, эпохальная роль такого городского центра. Более редкий феномен - сохранение такого значения одновременно для древности и средневековья. Мерв подобно Риму представляет собой пример такого выдающегося центра, блиставшего на протяжении двух эпох. Недаром средневековые авторы не скупившись по отношению к Мерву на яркие эпитеты, называя его и "душой царя", и "матерью городов всего Хорасана", и даже "городом, на который опирается мир".

2. Отечественная наука уделяла значительное внимание древнему Мерву. В 1984 г. в Петербурге вышел классический труд В.А.Жуковского "Развалины древнего Мерва", сохраняющий свое значение как компендиум сведений средневековых письменных источников по истории города. ИТАКЭ АН СССР, проводя в 50-х и 60-х годах широкомасштабные изыскания городищ древнего Мерва, по существу заново открыла для науки парфянский Мерв и многие отграницы его средневековой культуры, что нашло отражение в семи томах трудов

экспедиции, специально посвященных этому городу. Со второй половины 80-х годов эти работы ИТАКЭ на городищах Старого Марва были возобновлены.

3. Возникнув более чем 2500 лет тому назад, Мерв сравнительно быстро сформировался как крупный городской центр. Этому способствовал прогресс ирригационной техники, позволившей осуществлять забор воды в районе современного Султанбагда, откуда был проведен первый канал, орошавший территорию будущего городского гиганта и получивший наименование в середине века канала Разык. На территории Гяур-калы отмечены культурные слои VII-VI вв. до н.э., а уже в VI-V вв. до н.э. Эрк-кала формируется как городской центр площадью около 16 га, укрепленный мощной крепостной стеной из сырцового кирпича с монументальной постройкой в центре города, возведенной на платформу 15-метровой высоты. Этот древний Мерв, новая столица области Маргиана (древние ее центры располагались севернее в районе древнемургабской дельты) сразу становится одним из значительных городов среднеазиатского региона. Роль и значения его стремительно возрастают, очень скоро он превращается в выдающийся культурный центр доарабского Востока.

4. Материальные свидетельства роста города четко прослеживаются археологией. Уже в III в. до н.э. формируется огромное городище Гяур-калы, в котором прежний город Эрк-кала стал играть роль могущественной цитадели. Возведение стен Гяур-калы связано с деятельностью селевкидского правителя Антиоха, который, как пишут древние авторы, "изумленный плодородием Маргианы", построил город Антиохию, а весь оазис обвел оборонительной стеной. Переименование городских центров имеет таким образом древнюю традицию. Во время вхождения в состав парфянской державы во II в. до н.э. - III в. н.э. масштабы города возрастают. Видимо проводятся помимо древнего Разыка новые каналы. Замки, святилища и просто дома строятся за пределами Гяур-калы и дополнительно обводятся новой стеной. Таким образом древний Мерв получает тройное кольцо фортификационных сооружений, которые было необходимо преодолеть, добираясь до его цитадели. Мерв сосредотачивал ресурсы богатого оазиса с обеспеченным урожаем (в парфянском дорожнике I в. н.э. Мерв характеризуется как "хорошо снабженный водой"), был центром интенсивной ремесленной деятельности, важным узлом на системе международных торговых трасс, известных под названием Великого шелкового пути.

Экономический потенциал способствовал росту политической самостоятельности в системе парфянской империи — с I в. н.э. в Мерве чеканится по общепарфянскому образцу собственная монета с именами местных правителей.

5. Имеющиеся материалы характеризуют доарабский Мерв как центр, сосредоточивший огромный культурный и интеллектуальный потенциал. Художественная культура, представленная терракотой и архитектурным декором, характеризуется динамическим соединением эллинистических и ориентальных традиций. Находки на территории города и в других маргианских поселениях остраконов с парфянскими текстами свидетельствуют о сравнительно широкой грамотности. На популярность Мерва в парфянской среде указывает то обстоятельство, что действие парфянского любовного романа "Вис и Рамин" разворачивается именно в этом городе. Характерен идеологический плюрализм, наблюдаемый в сфере религиозных представлений. Зороастризм, религия основной массы населения Мерва парфянского и сасанидского периодов, зафиксирован наличием некрополей и мавзолеев со специальными костехранилищами — оссуариями. Есть основания считать, что в парфянском Мерве правитель одновременно выполнял и функции верховного жреца. Но наряду с религией, официально исповедывавшейся правящими династиями, в Мерве были распространены и буддизм, и христианство, и манихейство. В Гяур-кале раскопано буддийское святилище, построенное во II—III вв. н.э. и затем неоднократно перестраивавшееся. Каменные статуэтки и рельефы гандхарского производства первых веков нашей эры найдены в другом буддийском культовом центре, расположенном за пределами Гяур-калы. Возможно, из Мерва происходил парфянин Ань-ши-гао, основавший в Китае около 148 г. н.э. школу для переводов буддийских текстов на китайский язык. По Бируни, первый христианский проповедник по имени Брешия прибыл в Мерв через 200 лет после Христа. В Мерве находился митрополит всего Хорасана. Первый несторванский епископ Мерва упоминается около 334 г. н.э., а затем такие упоминания встречаются с 410 по 988 г. Видимо, в Мерве Мар Аммо перевел тексты Мани на парфянский язык. Есть основания считать, что деятельности переводчиков, трудившихся в Мерве, мы обязаны переводами на среднеперсидский текстов греческих и древнеиндийских авторов. О сохранении в Мерве до VII в. традиции школ писцов — полиглотов свидетельствует находка на Эрк-кале остраконов с пехлевийскими, арабскими и согдийскими

текстами. Известно, что последний сасанид Исзидгерд привез в Мерв около тысячи пахлевийских рукописей. Скорее всего подобные собрания, предтечи средневековых библиотек, имелись здесь и ранее. Во всяком случае буддийская рукопись найдена при раскопках соответствующего святилища. Эта культурная и интеллектуальная среда способствовала формированию выдающихся личностей. Из Мерва происходили знаменитый везир Ануширвана I — Бузиргмихр, врач Барзия, музыкант и павец Барбад, переводчик с санскрита Барзуй.

6. Уже правление династии Сасанидов приходится на грань двух эпох — древней и средневековой. В это время начинаются изменения в топографии древнего города. С V—VII вв. территория Гяур-калы постепенно приходит в запустение, жизнь перемещается на восток, где образуется новое городище — Султан-кала, центр процветающего города XI—XII веков. Мерв был резиденцией наместников Хорасана. Один из таких наместников Мамун, став халифом, до переезда в Багдад с 813 по 817 г. оставался в Мерве. Мерв был важным центром сельджуковских правителей и любимой столицей одного из "великих сельджуков" — Султана Санджара. Область Мерва оставалась важным производителем сельскохозяйственной продукции, прежде всего зерна, хлопка и шелка-сырца. Выпекавшийся хлеб считался лучшим в Хорасане, дини экспортировались в далекий Багдад. Славилась и различные производства, особенно мервские ткани, из которых шила одежды багдадская знать.

7. Особой славой достиг Мерв как культурный и интеллектуальный центр. Не приходится сомневаться в том, что в этом огромную роль сыграли высокие традиции парфянского и сасанидского периодов, создавшие соответствующий уровень ноосферы. Доисламские традиции органически вошли в культуру средневекового Востока с ее арабским языком, объединившим, подобно средневековой латыни, полиэтнические центры и ученых различного происхождения. Материально зримы достижения в области архитектуры, где можно говорить о существовании особой мервской школы, выдающимся произведением которой является классический по модульным пропорциям мавзолей Султана Санджара. О высоком уровне городского образа жизни свидетельствуют дома, открытые на Султан-кале, с фигурной кирпичной выкладкой полов, богатым резным штукком и росписью, покрывавшей верхние части стен и потолок. Массовая продукция гончарной мастерской Иноятоня, где изготовлялась художественная керамика о

рельефными сюжетами на темы сказок, мифов и, возможно, литературных произведений, свидетельствует о приобщении широких кругов горожан к художественным и литературным традициям. Упомянуты в источниках десять крупных библиотек Мерва, и работавшие там ученые считали их лучшими в мире. В султанской обсерватории Мерва несколько лет трудился классик восточной литературы Омар Хайям. Из Мерва происходили поэты Масуди Мервези и Азаде-Серв, астроном Хабак, поэт и астроном Омар, знаменитый энциклопедист Самани. Интеллектуальный авторитет Мерва был непрерываем. Как пишет восточный географ, шейхи Мерва замечательны, умы их высоки.

8. На пути процветания выдающегося городского центра, как и всего региона в целом, стояли тяжелые испытания, связанные с политической нестабильностью и военными потрясениями. Уже в правление Саиджара Мерв был захвачен и в течение трех дней разграблен кочевниками гузами. Но все это было ничто по сравнению с монгольским погромом, когда не только была уничтожена значительная часть жителей, но и разрушена плотина на Мургабе, питавшая всю ирригационную систему. Историки даже считали, что полтора столетия Мерв как городской центр практически прекратил существование, пока в 1409 г. тимурид Шахрух не восстановил плотину и начал заселять город. Однако археологические материалы показывают, что полного перерыва в городской жизни не было, существовали и жилые дома, и дворец правителя. За городскими стенами была устроена, видимо, по инициативе монгольских владык и прибывших с ними администраторов, буддийская кумирня в дальневосточном стиле. Как город Мерв продолжал существовать в XIII-XVI веках, но цепочка интеллектуальной традиции, насчитывавшей почти полтора тысячелетия, была прервана. Уже в ожидании нашествия монгол многие ученые покидали Мерв, а сгоревшие библиотеки больше не манили новых посетителей. Наступал и общий застой восточной культуры, все более попадавшей под воздействие ортодоксального клерикализма. Политическая ситуация ухудшалась - Мерв стал разменной монетой в противоборстве иранских шахов и бухарских эмиров. Сокрушительным ударом был захват Мерва в 1785 г. бухарцами и выселение в Бухару почти 17 тысяч семейств. Разрушение, как и во время монгольского нашествия, плотины на Мургабе подорвало становой хребет сельской экономики. В Мерве оставалось 500 жителей, не считая бухарского гарнизона. Древняя столица заустевает окончательно, и ее грандиозные руины образуют теперь памятник археологии.

ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ МЕРВА

Многолетние раскопки ЮТАКЭ позволили отнести подошву культурных слоев Мерва к рубежу периодов Яз П/Ш и датировать ее началом УП в. до н.э.

Детальный анализ палеогеографических данных и условий ирригации в Маргиане дал возможность осветить причины возникновения одного из крупнейших и, возможно, древнейшего города Средней Азии.

Оазисы бронзы и раннего железа обводнялись тремя главными потоками дельты Мургаба — Тахирбайским на востоке, Учтепинским на западе и Джарсаем на юго-западе (стадия первой дельты). С периода Яз П начался раннежелезный паводок (увлажнение климата). Река прорвалась на нижележащую ступень рельефа, стала формироваться Каушутбентская дельта (стадия верхней поймы), что, по-видимому, не обошлось без вмешательства людей (отвод Марга в Зотал — по античным источникам). Речное русло углубилось более чем на два метра (регрессивная эрозия), подрезав западные потоки дельты и вызвав соответствующее снижение уровня воды в них. Яздинский, Учтепинский, Аравалийский оазисы постигло маловодье при избытке воды в реке. Эту парадоксальную ситуацию можно назвать гидрологическим кризисом. Он составляет главную особенность периода Яз Ш.

Низовые массивы оазисов полностью обезлюдели, сократилось обживание и в верховых частях. Начался переток населения к юго-востоку, на правобережье возникает и растет новый оазис — Мервский. На древних территориях жизнь в сократившихся рамках удавалось поддерживать около трех с половиной веков, очевидно, с помощью малых плотин на обмелевших потоках у водозабора каждой оросительной системы. Отвлечения сил и ресурсов для возросших гидротехнических работ могло отразиться на жизненном уровне общества.

Возникновения и рост Мерва заставляют предполагать сохранения значительной водности Тахирбайского потока. Она объяснима, вероятно, лишь с геологических позиций. Современная долина, параллельная Гиндукушской, имеет признаки залегания трудноразмываемых грунтов, и здесь в свое время надолго задержалась регрессивная эрозия.

Земли Мерва орошались с водозабором из Тахирбая без сложных гидросооружений. Размещаясь в основном на нижней ступени 2-й

дельты, поля не затоплялись паводками.

На исходе Яз III, вероятно, в начале IV в. до н.э., сложившееся равновесие режима реки и обживания нарушается. Прежние оазисы окончательно заустели, все население дельты сосредоточилось у Мерва. Прошедший перелом связывается со спадом паводка, снижением стока и уровня реки. На высыхающих водотоках вести орошение стало невозможно. Окрестности Мерва из-за перенаселенности испытывают все более нетерпимую земельную тесноту.

Кардинальным решением стала постройка первой на Мургабе настоящей плотины (раннесредневековая? Анкала, позднейший Султан-бент) и единой ирригационной магистрали правобережья (средневековый Зарк-Разак, позднейший Султан-яб) с водозабором у плотины. Это позволило освоить высоколежащие земли Южно-Вайрамалийского массива и подключить к общему источнику прежние территории. Период большого строительства и переустройства, видимо, относится к I половине IV в. до н.э. Правильность найденных решений подтвердилась затем почти 2400-летней практикой орошаемого земледелия. Но одновременно МERV приобрел и самое уязвимое место — он теперь не мог жить без плотины.

Итак, МERV — продукт гидрологического кризиса, геологического строения долины, наличия удобных, незатопляемых земель и конечной реакции раннежелезного общества Маргиани, сумевшего успешно приспособиться к меняющейся среде.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ГОРОДИЩ ДРЕВНЕГО МЕРВА

З.И.Усманова
(Ташкент)

ДРЕВНЕЙШИЙ МЕРВ ПО ДАННЫМ РАСКОПОК НА ЭРК-КАЛЕ

1. По линии ЮТАКЭ городище Эрк-кала (20 га) изучалось с 1950 по 1979 годы. В результате проведенных раскопочных работ были получены данные по археологической стратиграфии культурных напластований (Труды ЮТАКЭ, т. XIV), которые позволили говорить о времени сложения первого городского центра на территории Мерва (ИАИ ТССР, 1960, № 4), о хронологических периодах истории городища с середины I тыс. до н.э. — I тыс. н.э., об исторической топографии Эрк-калы. Работы удостоверили сообщения письменных источников о том, что Эрк-кала является самой древней в системе городищ Старого Мерва.

Осуществленный гигантский разрез крепостной стены Эрк-калы (1963–1979 гг.) дал сложную картину истории сложения крепостных сооружений с момента их возникновения и до окончательного запустения, а также судить о древних приемах фортификационного строительства античности и раннего средневековья (вертикаль стены с наклонным цоколем, наращивание стен во внешнюю сторону, замена прямоугольной башни овальной, строительство протейхизмы и др.).

2. Решением Президиума Академии наук ТССР весной 1986 года возобновлены были археологические работы на городище Эрк-кала под непосредственным руководством проф. В.М.Массона с целью исследования центрального бугра городища и получения здесь остатков строений позднеахеменидского времени, с которым, собственно, и связывается изначальная история городища. Работы велись в течение 5 весенних полевых сезонов (1986–1990) на южной половине центрального бугра, где в первый же полевой сезон впервые для истории Эрк-калы был отмечен культурный слой более 3 м толщины с керамикой типа Анау IV–V вв. III.

3. В результате проведенных работ впервые были выявлены остатки самых ранних строений на монументальной платформе и обнаружены

врытые в пол цилиндрикоконические хумы с язовидным ванчиком, что так характерно для посуды Средней Азии VII-V вв. до н.э. Стены сложены из пахсы и крупного сырца 60 x 30 x 10 см с включением большого количества тоюна и песка. Они сохранились на высоту до 2-х метров благодаря забутовкам, поверх которых в раннеантичное время был сооружен форт из сырца, стены его имеют толщину до трех метров при небольших размерах основного помещения (4,6 x 4,45 м), имеющего с севера и юга обводные коридоры. С этим фортом связан сводчатый коридор, ведущий в центральную часть холма, где отмечены сплошные сырцовые выкладки платформы.

4. Сопоставление данных, полученных за все годы изучения центрального холма позволило составить картину последовательного обживания цитадели древнего поселения. Первый период - возводится платформа 15 м высоты и на ней необохранившиеся строения, давшие 3-х метровый культурный слой (XXX-XXXVI ярусы) с керамикой типа Яз III. Второй период - на трехметровом культурном слое возводится "позднеахеменидское" здание с пахсовыми стенами. Материалы поздней Яз III нет. Третий период - "позднеахеменидское" здание забутовывается и возводится форт (помещения 4, 5, 6, 7), стены которого сохранились в высоту на 4 кирпича.

Первые два периода находят аналогии в нижних слоях стратиграфического шурфа 5 на Эрк-кала, где выделены четко два слоя с керамикой Яз III. Исходя из новых наблюдений, следует первый период на центральном холме и слой на материке в шурфе отнести к доахеменидскому времени Яз II (VII в. до н.э.), а второй период и второй слой в шурфе соответственно к VI-V вв. до н.э., когда Эрк-кала превращается в крупный укрепленный городской центр на среднем течении р. Мургаб. В связи с этими новыми данными следует пересмотреть датировку комплекса Яз III городища Яз-деш в низовьях Мургаба.

С. Логинов
(Ашхабад)

МЕРВ ЭПОХИ САСАНИДОВ В СВЕТЕ РАБОТ ЮТАКЭ

I. Первоначальные научные представления о Мерве как крупнейшем экономическом, политическом и культурном центре восточной части

Сасанидского государства сложились в результате изучения письменных источников, главное внимание в которых уделяется событиям V-VII вв. н.э.

2. ЮТАКЭ АН ТССР приступила к изучению городищ Мерва и Мервского оазиса в целом с конца 40-х гг., наиболее активно археологические работы XIII отряда ЮТАКЭ проводились в 50-60-х гг. Согласно Положению с ЮТАКЭ (1946 г.) основной целью являлось изучение парфянского и сельджукского периодов истории Мерва. При этом ставилась задача определения времени возникновения города, изучения его стратиграфии с разработкой археологической периодизации, динамики развития на протяжении всей истории существования Старого Мерва. По мере накопления археологических данных, изучения стратиграфии городищ Эрк-кала и Гяур-кала возрастал интерес к сасанидскому периоду истории Мерва, особую роль в этом процессе сыграли полученные в ходе раскопок сасанидские монеты (вместе с подъемными монетами - свыше I тыс. экз.). Именно эти монеты являются тем объективным критерием, который позволяет в настоящее время скорректировать сложившиеся в 50-60-х гг. представления о Мерве III-IV вв. н.э.

3. Практически все результаты археологического изучения сасанидских слоев мервских городищ опубликованы в томах трудов ЮТАКЭ (тт. XI, XII, XIV, XV, XVI, XVII и XIX), десятках отдельных статей и заметок, наибольшая заслуга в исследовании Мерва сасанидского периода принадлежит М.Б.Массону, Ю.Ф.Бурякову, К.Кацурису, З.И.Усмановой, Г.А.Кошелевко, М.И.Филанович и Г.Я.Драсвянской. Свообразным итогом археологического изучения древнего и раннесредневекового Мерва являются опубликованные М.И.Филанович "Историко-культурные археологические таблицы по городищу Гяур-кала в Старом Мерве" (Труды ЮТАКЭ, т. XIX), охватывающие период истории Мерва с VI в. до н.э. по VIII в. н.э. Изучение сасанидских монет Мерва начато М.Б.Массоном, в настоящее время все они прошли научную обработку, частично опубликованы или подготовлены к опубликованию (С.Д.Логинов и А.Б.Никитин). Изучены и подготовлены к изданию среднеперсидские остраки, обнаруженные ЮТАКЭ на территории Мерва и его оазиса (А.Б.Никитин).

4. На территории Мерва и его округи найдены преимущественно бронзовые сасанидские монеты мервского чекана. Значительное количество серебряных мервских драхм V-VII вв. (в том числе и раннеарабских заместителей) находится в музейных коллекциях. В собрании

Кабинета нумизматики ЮТАКЭ хранится до двух десятков римских и ранневизантийских монет IV в. н.э., а также несколько бронзовых монет арабских наместников, в том числе и с обозначением монетного двора Мерва. Количественное соотношение мервских монет различных сасанидских правителей, вероятно, отражает объективную картину экономической и политической истории сасанидского Мерва: наибольшая активность денежного обращения приходится на вторую половину III - начало V вв. н.э. В результате изучения раннеосасанидских монет из раскопок ЮТАКЭ уже передатировано возникновение буддистского храма (Р-9) в Мерве - не ранее IV в. н.э., к этому же периоду должно быть отнесено и существование так называемого "квартала мукомолов" (Р-6). Тем самым диктуется необходимость отказа от существующих представлений об упадке Мерва в IV в. н.э., что хорошо согласуется с данными, полученными в результате археологического изучения большинства историко-культурных областей Средней Азии. Коллекция мервских монет Шапура II (309-379), включающая до 200 экз. и имеющая ранее не известные монетные типы, служат достаточно убедительным доводом в пользу поздних датировок начала чеканки сасанидо-кушанских монет (Б.В.Зеймаль, В.Г.Луконин, Р.Гёбль).

Т.Ходжаниязов
(Ашхабад)

РАСКОПКИ ОБЪЕКТОВ СЕЛЬДЖУКСКОЙ ЭПОХИ В СТАРОМ МЕРВЕ

I. В сельджуцкую эпоху (XI-XII вв.) Мерв достигает наивысшего развития. Ядром Мерва сельджуцкого периода была территория городища Султан-кала площадью 401 га, обнесенная крепостной стеной при султанах Джелал ад-дине Мелик-шахе (1072-1092 гг.). Позднее при правлении султана Саиджара (1118-1157 гг.) в город были включены дополнительные территории к югу и северу от городища путем возведения крепостных стен. Так возникли северный (площадью 120 га) и южный (площадью 110 га) обводы. Таким образом общая площадь сельджуцкого Мерва, обнесенная крепостной стеной, составляла 631 га, а вместе с пригородами, включавшими в себя частично и территорию античного города (городище Гяур-кала) - 1500-1600 га. Численность населения достигала не менее 150 тыс. человек. В

северо-восточном углу города находилась цитадель Шахрияр-арк площадью 23 га, имеющая отдельную фортификацию. Двумя главными магистральями, идущими с юга на север и с востока на запад, город был разделен на четыре части. Соответственно направлениям этих магистралей располагались четверо ворот, из которых южные назывались Аламдара, северные - Кушмейханские, восточные - Шахристанские, западные - Фирюза. Помимо главных магистралей были десятки более мелких, которые делили город на кварталы. С юга на север через весь город протекал канал Манджан, упоминаемый в средневековых письменных источниках. В этот период в Мерве возводились из жженого кирпича с применением разнообразных фигурных кирпичей величественные постройки - мечети, медресе, минареты, мавзолеи, дворцы, дома богатых горожан. В Мерве было десять крупных книгохранилищ и султанская обсерватория.

2. Начиная с 60-х годов ЮТАКЭ АН ТССР проводит целенаправленные работы по археологическому изучению сельджукидского Мерва. В 1967-1969 гг. изучался крупный жилой дом, расположенный в северо-западной четверти городища. Он имел в центре квадратный в плане открытый двор размером 40 x 40 м, вокруг которого по периметру сгруппировались помещения различного размера и назначения. Дом раскопан неполностью, но дал прекрасные образцы оформления интерьеров жилой архитектуры средневекового Мерва. Помещения поражают своей роскошью и богатством внутреннего убранства. Внутренние стены помещений на высоту 0,8 - 1,5 м от пола сплошь покрыты ганчевыми панелями с резным шtukом геометрического и растительного мотивов. Выше резных панелей, включая и потолки, шла гладкая белая штукатурка с многоцветной росписью. В качестве строительного материала использовались сырцовые и жженные кирпичи квадратного формата.

На северном фасаде городища Султан-кала на месте предполагаемых Кушмейханских (северных) ворот вскрыт небольшой участок средневекового канала Манджан, комплекс жилых и служебных помещений и часть крепостной стены, включая башню, фланкировавшей русла канала с восточной стороны. Русло канала было вскрыто на месте его выхода из города в длину около 10 м. Облицованный с двух сторон жжеными кирпичами канал был нешироким. Ширина его у дна 1,5 м, но уступами расширялась кверху, глубина его 2,7 м. От главного русла отходили крытые, стреловидной формы, узкие канавки из жженого кирпича,

Отводившие воду в жилые кварталы и общественные водоемы города. Русло канала было зафиксировано в нескольких местах на различном расстоянии. С обслуживанием и охраной канала, видимо, был связан комплекс помещений, расположенный по обеим сторонам канала, между берегами которого был перекинут мост шириной около 2 м, возведенный из жженого кирпича. Комплекс состоял из многочисленных помещений различного размера, из которых полностью или частично раскопано 9. Помещения соединены между собой арочными проходами и украшены декоративными многогранными уступчатыми нишами. Стены тщательно оштукатурены толстым слоем ганчового раствора, поверх которого наносилась роспись синей, черной, желтой и красной краской. Здание снабжено специальной обогревательной системой, расположенной под полами помещений. Система состоит из многочисленных параллельных и пересекающихся поперек узких канавок глубиной до 0,7 м, перекрытых крупными (размером 50 x 50 x 5 см) плитками из обожженной глины. В углах помещений расположены дымоходы из замурованных в стены керамических труб диаметром до 15 см. Топочная камера вынесена за пределы здания. Подобная система в Мерве обнаружена впервые и является важным элементом благоустройства жилых и общественных зданий.

Напротив описанного комплекса, судя по рельефу, по середине крепостного рва было раскопано небольшое здание, по-видимому, также связанное с охраной этого наиболее уязвимого участка крепостной стены. Русло канала проходило прямо под серединой здания. Раскопанная часть здания состояла из нескольких парадных с фигурными кирпичными полами служебных и полуподвальных помещений, а также небольшой бани, состоящей из двух комнат и предбанника. Полы выложены из крупноразмерного жженого кирпича и обмазаны толстым слоем крепкого водостойкого раствора, сглаженного сверху до блеска. Стены помещений, обмазанные таким же раствором, поверху имеют побелку и многоцветную роспись. В арочном проеме, соединявшем оба помещения, на невысоком кирпичном постаменте помещена ванна, vyplivanная в основе из жженого кирпича и обмазанная с двух сторон толстым слоем водостойкого раствора. Позднее, вероятно, в канун монгольского нашествия здание было превращено в мощный бастион путем сооружения башни и толстой глинобитной массы с северной стороны.

Изучалась также фортификация сельджукского Мерва. Крепостные стены, снабженные через каждые 25-30 м выступающими наружу полукруглыми башнями, достигали высоты в 10-12 м при ширине 5,5-6 м. В некоторых участках стены с наружной стороны примыкала площадка шириной до 8 м, защищенная парапетом высотой 1,5 м, после которого - резкий спуск ко рву. Глубина рва от уровня наружной площадки - 8,2 м, ширина - 22 м. Установлено, что стройные и красивые первоначальные стены и башня, возведенные в пору наивысшего могущества сельджуков во второй половине XI в., в начале XIII в. перед монгольским нашествием были резко усилены путем возведения снаружи мощных (толщиной до 2 м) футляров по всему периметру городских стен.

А.О.Бердыев
(Ашхабад)

ИЗУЧЕНИЕ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩ МЕРВА

I. Позднесредневековые городища Мерва Абдуллахан-кала и Байрам-Али-хан-кала находятся на северо-восточной окраине г. Байрам-Али. Развалины этих городищ привлекли внимание целого ряда лиц, приезжавших сюда по той или иной причине, еще задолго до присоединения края к России (Г.Амиров, А.Коналли, О.Донован, А.Алиханов и др.). Начало археологическому изучению мервских городищ положил проф. В.А.Жуковский. После трехмесячных работ летом 1890 г. им в 1894 г. был опубликован капитальный труд, где подробно дается история Мерва, написанная в основном по данным письменных источников. В 1950 г. археологом О.В.Обельченко по линии ЮТАКЭ АН СССР было осуществлено историко-топографическое изучение городищ Абдулла-хан-кала и Байрам-Али-хан-кала. В его статье подробно излагаются результаты наблюдений с приложением плана и реконструкций городской стены Абдулла-хан-калы. В последующие годы изучение позднесредневекового Мерва не проводилось, и лишь в 1969 г. появляется статья С.Б.Луниной, посвященная тигуридской керамике Мерва. С 1986 г. до настоящего времени ежегодно автором по линии ЮТАКЭ АН СССР производится археологические раскопки на территории городища с целью углубленного изучения позднесредневекового Мерва.

2. Позднесредневековый Мерв состоит из двух городищ, обнесенных крепостными стенами, фланкированными полукруглыми башнями. Юго-восточное городище, т.е. Абдулла-хан-кала, имеет прямоугольную форму размером 630 x 695 м. В середине северо-восточной и юго-западной стены Абдулла-хан-калы имеются остатки ворот, которые соединяются главной магистралью, рассекающей город на 2 равные половины. Северо-восточная часть городища занята цитаделью, обнесенной стеной, внутри которой имеются остатки 2-х этажного дворца правителя. В северной половине, в центре города находился ансамбль культовых сооружений: мечеть, медресе и обширный хауз.

К юго-западной стене Абдулла-хан-калы пристроено другое, самое позднее из 5-ти мервских городищ - Байрам-Али-хан-кала. Оно также имеет прямоугольную форму, обнесена крепостной стеной и опоясано рвом. Внутри городища постройки не сохранились, они уничтожены еще в прошлом столетии при изъятии кирпичей для постройки служб мургабского государя иманья, в настоящее время почти вся территория городища занята современными постройками.

3. Сведения письменных источников о сооружении городских стен позднесредневекового Мерва самые противоречивые. Сопоставляя данные письменных источников, В.А.Жуковский отнес время построения крепостных стен Абдулла-хан-калы к XV в., а на счет Байрам-Али-хан-калы определенного мнения не высказал. О.В.Обельченко в результате тщательного осмотра крепостных стен городищ пришел к выводу, что начало XV в. можно считать точным временем строительства городских стен Абдулла-хан-калы, а время построения крепостных стен Байрам-Али-хан-калы отнес к середине того же столетия.

Стратиграфические шурфы, заложенные нами в разных частях городищ, подтверждали датировку, предложенную О.В.Обельченко для Абдулла-хан-калы, строительство Байрам-Али-хан-калы должно быть отнесено ко времени не ранее чем XIII в.

4. За юго-восточной стеной цитадели Абдулла-хан-калы частично раскопаны остатки дворцовой бани. На площади около 300 м² вскрыто несколько помещений различных размеров, отделенных друг от друга толстыми стенами, сложенными из жженных кирпичей размером 24 x 24 x 5 см. Помещения имеют различные уровни полов и гладко обмазаны водостойким кировым раствором. Все помещения соединены между собой трубами-кабурами, расположенными в стенах здания. Топочная камера находилась в восточной части постройки, откуда

горячая вода подавалась по ~~специальным~~ водоводам в помещения для мытья. Баня отапливалась горячим воздухом, который подавался по системе дымоходов, сооруженных под голом.

5. Из обнаруженных материалов наиболее многочисленные — глиняная посуда. Вся керамику XV—XIX вв. из Мерва по составу глиняной массы черепка можно подразделить на два основных вида: терракота и кашин. Керамические сосуды в основном предназначены для хозяйственных нужд (хуми, тагоры, кувшины и т.д.). Напротив, кашин использовался для изготовления изящной, легкой столовой посуды (чаши, пиалы, блюда и т.д.). На большинстве фрагментов из кашина орнамент нанесен синей краской по белому фону. В группе фрагментов мы находим лишь черный орнамент на белом фоне, а на некоторых — сочетание черного и синего орнамента на белом фоне. Мотивы росписи самые разные. В основном сосуды декорированы геометрическим, ковровым орнаментом в виде спиралей, ромбиков, заштриховывались сеткой. Преобладают фрагменты с растительными орнаментами: цветочки, листья, "хлопок", ягоды, иногда в сочетании с геометрическими узорами. Встречаются фрагменты сосудов, изготовленных в подражании китайскому фарфору, орнаментированные стилизованными растениями, иногда на обороте дна имитирована китайская марка в виде иероглифа.

Керамические изделия в основном покрывались однотонной глазурью коричневого, грязного голубовато-зеленого, грязно-голубого и зеленого цвета. В большинстве случаев полива односторонняя, на внутренней поверхности сосуда. Иногда полива наносилась и снаружи по венчику, в некоторых случаях с черной полосой по венчику.

Можно отметить, что керамика Мерва позднего средневековья имеет много общего с керамикой Нисы, Самарканда и Ходжента.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПАМЯТНИКОВ МЕРВСКОЙ ОКРУГИ

И.С.Масимов
(Ашхабад)

КЕЛЛЕЛИНСКИЙ ОАЗИС В ЭПОХУ БРОНЗЫ

1. Среди древнеземледельческих памятников эпохи бронзы и железа, расположенных на северной окраине Мервского оазиса, наиболее ранним является Келлелинский оазис, относящийся к периоду Намазга У или к началу II тыс. до н.э. Он находится в 120 км северо-северо-западу от г. Байрам-Али в районе расположения компрессорной станции "Каракумская" Шатлыкгазстроя (п. Маргиана). В оазисе находятся 8 разновеликих поселений и еще ряд их развешенных остатков на такыре. Данные стратиграфии этих памятников показали наличие незначительной толщи их культурного напластования. Этот "недостаток", правда, значительно компенсируется полученным в ходе раскопок богатым археологическим материалом и обнаружением прекрасной рядовой и общественной архитектуры.

2. По этим данным поселения Келлелинского оазиса, во всяком случае некоторые из них, обладали функциональной специализацией, свидетельствующей о иерархической структуре местного общества. Так, например, Келлели 3 представлял собой крупную крепость квадратной планировки с прямоугольными башнями по внешнему фасау стен. Внутри вдоль стен крепость была застроена жилыми домами, а центр представлял собой общий двор, лишенный каких-либо застроек. Центром другого холма Келлели 4 был большой квадратной формы жилой дом, обведенный по краям двойной стеной и обводным коридором аналогично коридору крепости. Внутри комплекс плотно застроен отдельными "квартирами", расположенными вдоль стен за исключением северной половины здания, где находятся четыре небольших по размеру печи. "Квартира" состоит из 2 или 3 комнат жилого и хозяйственного назначения. Кроме этих памятников особую функцию, видимо, выполнял холм Келлели I, являющийся своеобразным центром всего оазиса и имеющий площадь около 6 га, а также специальный квартал по производству керамики и металлообработке. Судя по

его планировке и двум параллельным стенам, раскопанным в его северо-восточном углу, он также имел стену с внутренним обводным коридором. В целом характер застроек ряда поселений Келлели свидетельствует о том, что их застройка шла по заранее спланированному плану или традиционному канону.

3. Развитый уровень строительной техники в Келлелинском оазисе является лишь отражением развития общества в разноплановом ведении хозяйства. Земледелие являлось здесь основой местной экономики, базировавшейся на искусственном орошении полей. В хозяйстве использовалась тяговая сила животных, запряженных в повозки. Второе место в экономике занимало домашнее скотоводство с преимущественным ведением малого рогатого скота. Кроме того в состав стада входили также корова, верблюд, лошадь и домашние свиньи. Значительной прибавкой к столу местного населения являлось и мясо диких животных, добывавшееся охотой в ближайших зарослях.

4. Культурные обряды и идеологические представления населения оазиса практически не отличаются от картины, наблюдаемой на северной подгорной равнине Копетдага. Основным был культ матери-прародительницы или плодородия. Многочисленны глиняные терракотовые статуэтки, выполнявшие роль домашних идолов. Последние изготовлялись в условно-плоскостном стиле. Глаза передавались в виде налепа, а нос — крупным задником, практически занимающим все лицо. Причем преимущественно изготовлялись женские статуэтки, на которые спереди, иногда сзади, наносились различные знаки-символы. Наиболее распространенный на Келлели знак дерева выполнен косыми прочерченными линиями с центральным стволом посередине. Этот знак встречается и в мужских статуэтках, что предполагает взаимодействие и взаимовлияние представлений о плодородии земли с воспроизводящей способностью самого человека (Массон, Сарваниди, 1973).

5. Значительную роль играли и различные ремесла, достигшие в период Намазга V наивысшего своего развития. Если взять производство керамики, то выпускалось более 20 видов, использовавшихся в повседневной жизни. Такие формы сосудов, как бокалы, чаши, миски, вазы, горшки, биконические и цилиндрические сосуды, хумчи, хуми, при общем сходстве с формами керамики из синхронных керамических комплексов все же имеют и ряд специфических пропорций, характерных только для Келлели. При этом есть и совершенно ранее не встречаемые формы керамики. Для получения столь разнообразной

и высококачественной продукции мастера соорудили сложные по конструкции одно- и двухрусные печи. На памятниках имеются и специальные участки, отведенные под выпуск керамической продукции.

Не менее высокого уровня, чем гончарное производство, здесь достигли также металлообрабатывающие и камнерезные отрасли ремесла. По результатам химико-технологического анализа металлических изделий можно говорить, что мастера использовали в своей работе различные сплавы. Распространенным было литейное производство, с помощью которого получали ажурные высокохудожественного уровня печати, домашнюю утварь, орудия труда и вооружение, а также украшения.

Из камня изготавливали различные предметы быта, сосуды, прясла, бусы. Много встречаются орудия повседневного пользования (жернова, пестики, лошила, куранты и др.).

6. Необходимо отметить, что высокий уровень культуры Келлелинского оазиса не был бы достигнут без соответствующей исходной базы. На этот счет специалистами высказаны различные мнения. В частности, было высказано мнение, что культура периода Намазга У происходит от местной энеолитической и которая затем дала мургабский вариант периода ранней бронзы Намазга IУ. Но соответствующие памятники этого времени здесь отсутствуют. Большинство исследователей придерживается мнения об освоении в период Намазга У района Келлели выходцами из предгорной полосы Копетдага в связи с начавшимся там кризисом. Этот тезис документально подтверждается раскопками Келлелинских памятников, где практически каждая вещь имеет свои прототипы в комплексах подгорной полосы. Ряд типов артефактов — керамика, металлические и каменные орудия, терракотовая пластика — по облику и исполнению — копируют таковые же изделия Алтыя-депе, Намазга-депе и других памятников. Именно этот культурный пласт составил основу формирования в период Намазга У наиболее раннего комплекса бронзового века в долине Мургаба.

ПЛАНИРОВОЧНАЯ СХЕМА

"ПРЯМОУГОЛЬНИК С ОКРУГЛЫМИ БАШНЯМИ НА УГЛАХ"

В ДРЕВНЕЙ АРХИТЕКТУРЕ МАРГИАНЫ

Археологические открытия последних лет на территории Маргианы дали большой факторологический материал по архитектуре и строительному опыту народов, населивших дельту Мургаба в эпоху бронзы и раннего железа, что позволяет сегодня сделать определенный анализ строительных приемов, существовавших в доахеменидском зодчестве, рассмотреть архитектурно-планировочные композиции сооружений, проследить преемственность планировочных принципов и их влияние на архитектуру последующих эпох.

Планировочной схемой, получившей развитие в маргианских постройках бронзового века и пережиточно сохранившейся в архитектуре последующих эпох, является прямоугольник с округлыми башнями на углах и периметру стен. Такую схему наглядно демонстрирует планировка поздней бронзового комплекса Тоголок-2I, расположенного на территории Каракумского района Марийской области. На Тоголоке-2I уменьшающиеся по размеру три огромные прямоугольные ограды с округлыми башнями вписаны друг в друга. Центральным ядром комплекса является внутренний прямоугольник, внутри которого заключена регулярная сплошная застройка из четких по конфигурации прямоугольных помещений. Отличительным элементом внутренней застройки крепости является подквадратный дворик, расположенный почти в центре всей застройки. Этот же принцип, но на более низком уровне исполнения, заложен в основу другого комплекса Тоголокской группы памятников Маргианы - Тоголок-1.

Схема "прямоугольник с округлыми башнями на углах" помимо Тоголокских памятников известна и на другом древнемаргианском памятнике - храме на Гонур-1, расположенном в 15 км севернее Тоголока-2I. Этот храм имеет в плане форму прямоугольника (ближе к параллелограмму), углы которого завершаются округлыми башнями диаметром около 9 м. Внутри прямоугольной крепостной ограды расположен подквадратной формы зал, снаружи посередине всех четырех сторон которого имеются прямоугольные, полые внутри, башни. Наружные углы этих башен в свою очередь украшены округлыми башен-

ками, что придает композиции зала удивительную ажурность.

На сегодня остается открытым вопрос о происхождении округлых башен на углах и по периметру стен сооружений эпохи бронзы. Не восходят ли они к памятникам позднего энеолита на территории Южного Туркменистана? На историко-культурные связи Маргианы о позднеэнеолитическими культурами предкопетдагской равнины, на основе археологических данных, уже указывали многие исследователи. Здесь на позднеэнеолитических памятниках Геоксюрского оазиса (Ялангач-дапе и Муллали-дапе) выявлены остатки поселений, характерной чертой которых являлась ограджающая стена сложной конфигурации с округлыми "башнями" на изломах.

Традиция возведения круглых башен по углам сооружений наблюдается и в последующие века. Планировочная схема — прямоугольник с округлыми башнями на углах и по периметру стен — используется как при возведении медресе, мечетей и караван-сараяв, так и в жилой архитектуре.

Конфигурация "прямоугольник с округлыми башнями по углам" пережиточно сохраняется в позднесредневековом туркменском народном жилье "ховлы", "кала" и в других аналогичных постройках Средней Азии.

В эпоху поздней бронзы в архитектуре Маргианы прочно сформировалась планировочная схема в виде прямоугольника с округлыми башнями на углах и по периметру стен, истоки которой, возможно, восходят к позднеэнеолитическим культурам Южного Туркменистана и которая пережиточно сохраняется на многих архитектурных сооружениях Средней Азии последующих эпох вплоть до позднего средневековья.

Б.Н.Удеумурадов
(Ашхабад)

ОБНАРУЖЕНИЕ НОВЫХ ПАМЯТНИКОВ В ДОЛИНЕ МУРГАБА

I. В отличие от низовьев Мургаба южные провинции древнего Мерва изучены не достаточно полно. Если не считать отдельных разведочных работ на среднем течении Мургаба (Мерверуда), затрагивавших главным образом средневековые памятники, то археологическое обследование этого района на предмет наличия более ранних

памятников здесь практически не производились. Исследования 1987-1990 гг. частично восполняют этот пробел ввиду открытия и изучения новых памятников. Наиболее важно отметить три объекта: Тахтабазарский могильник, Оглок-депе и Чоммек-депе.

2. Тахтабазарский могильник площадью около 1 га, открытый в 1988 г., расположен в 37 км южнее районного центра Тахтабазар в Марийской области Туркменской ССР. Он расположен на левобережных склонах возвышенности в 1,5 км от реки.

3. На территории могильника обнаружено 13 погребений. К сожалению, большинство из них оказалось размытыми водами саев и о наличии могил приходилось судить лишь по компактно расположенным находкам погребального инвентаря или человеческих костей. Все обнаруженные погребения находились в лессовых отложениях на глубине от 50 до 145 см от дневной поверхности. Конструкции могильных сооружений не фиксируются.

4. Комплекс находок с тахтабазарского могильника представлен главным образом целыми предметами. В 13 погребениях было обнаружено в общей сложности 77 керамических сосудов, бронзовые клижалы, зеркала (3), печати (2), проколка (1), булавка (1), каменные бусы (12), колонки (2), гири (2) и сосуд из мраморизованного известняка. Не во всех погребениях набор погребального инвентаря одинаков. В количественном отношении предметов выгодно отличаются погребения I, 9 и 13. В керамическом комплексе могильника выделяется по крайней мере 12 различных типов посуды.

5. Хронологические рамки материалов с тахтабазарского могильника более всего тяготеют к материалам типа Намазга V-VI или вернее к переходному периоду развитой-поздней бронзы Южного Туркменистана.

6. Находки эпохи бронзы и следующей за этим периодом эпохи раннего железа были сделаны и в других местах древнего Мерверуда. Единичные предметы (сосуды из керамики и мраморовидного известняка) были обнаружены в 5 км северо-западнее пос. Тахтабазар, а отдельные подтверждения материалам типа Яз I ямарт место на поселении Оглок-депе, где были произведены разведочные раскопки. В свою очередь материалы ахеменидского времени достаточно полно представлены на поселении Чоммек-депе в 12 км юго-западнее районного центра.

7. Таким образом даже беглый перечень новых памятников древнего Мерверуда позволяет отметить, что история этой области значительно расширилась, благодаря их открытию, а вопросы возникновения оседлоземледельческих памятников этого района требуют более детальных исследований.

8. Вопросы освоения долины Мургаба до недавнего времени касались лишь памятников, расположенных к северу от Мерва. Новые материалы позволяют значительно расширить как территориальный, так и хронологический диапазон памятников, находящихся к югу от него.

9. Сравнительный анализ материалов показывает, что интеграционные процессы, имевшие место в эпоху бронзы, охватывали не только низовья Мургаба, но и территории, лежащие на его среднем течении. Причем, отмечается большая близость мерверудских материалов с комплексами Бактрии и Согдианы, нежели с материалами Парфии или подгорной полосы Копетдага.

А.Губаев
(Ашхабад)

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТАХ НА ГОРОДИЩЕ ГЁБЕКЛЫ ДРЕВНЕГО МЕРВА

Городище Гёбеклы находится на территории Туркменской ССР (Марийская область, Каракумский район, совхоз "50 лет СССР").

Городище Гёбеклы зафиксировано в археологической литературе уже в начале XX века. Во время работ Американской археологической экспедиции под руководством Р.Пампелли в Мервском оазисе памятник посетил сотрудник экспедиции В.Хантингтон. Он отнес его к числу памятников "переходного типа". В 50-60-е годы Гёбеклы неоднократно посещался сотрудниками Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции под руководством М.Е.Массона. Городище осматривалось, кратко описывалось, собирался подъемный материал. Из числа случайных находок, сделанных в ходе этих поездок, необходимо отметить несколько тарракотовых статуэток, относящихся к парфянскому и сасанидскому времени, хранящихся ныне в Институте истории им. Ш.Батирова АН Туркменской ССР. Результаты наблюдений сотрудни-

ков ЮТАКЭ были обобщены Г.А.Пугаченковой¹. Г.А.Пугаченкова отнесла памятник к парфянскому времени, отметила наличие мощных укреплений. Никаких раскопочных работ в это время на памятнике не производилось.

Городище Гёбеклы было выбрано для стационарных раскопочных работ Мервским отрядом, исходя из следующих соображений. Гёбеклы является крайним северо-западным памятником зоны освоения человеком Мервского оазиса в античную эпоху. Далее на север и запад располагаются только памятники времени раннего железного века и эпохи бронзы. В силу этого памятник представляет особый интерес для изучения целого ряда вопросов истории Мервского оазиса. Во-вторых, маршрутные поездки участников Мервской экспедиции показали, что хронологические определения некоторых сотрудников ЮТАКЭ не совсем верны, т.к. помимо керамики парфянского времени на памятнике также встречается и керамика явно раннесасанидского времени, а также времени Яз Ш. Выявление точных датировок невозможно без археологических раскопок. В-третьих, памятник — достаточно хорошей сохранности, не поврежден в результате строительной и иной деятельности, что позволяло надеяться на получение добротной информации. Наконец, относительно небольшие размеры памятника дают возможность провести полное вскрытие его. При этом необходимо указать, что на территории Мервского оазиса сколько-нибудь масштабных раскопок объектов парфянского и сасанидского времени не проводилось. Памятники этого времени, в сущности, исследовались только на городище Гяур-кала (столица Мервского оазиса). Исследование "провинциальных" памятников оазиса, сравнение материальной культуры "провинциальных" населенных пунктов и "столичного" центра в настоящее время является одной из действительно необходимых задач в изучении прошлого Мервского оазиса.

Среди находок особое место занимают глиняные буллы с разными отпечатками.

В результате раскопок была выявлена следующая картина. Основную часть поверхности центрального бугра занимало довольно значительное по размерам здание. Сохранившиеся размеры его: север — 17 —

¹ Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана порк рабoвладения и феодализма. — М., 1958. — С. 44-45.

21 м, запад-восток - 20,5 м. Здание имело следующую планировку: всю северную часть его занимало примерно шестиугольное в плане помещение. В центре этого помещения располагалась монолитная платформа, сложенная из сырцового кирпича и пахсы. Эта платформа также имела в плане очертания шестиугольника. Остальное пространство занимали: большой айван (?) к югу от центрального помещения и несколько помещений, окружающих центральное со всех сторон. Из них сохранились полностью только помещения № 7, 3, 9. Все остальные помещения были частично разрушены, т.к. они располагались по краям центрального бугра и были смыты. Видимо, сильнее всего пострадал северный и северо-западный склон, где практически не сохранилось остатков помещения.

А.А.Бурханов
(Авжабад)

ГОША-ДЕПЕ - ПАМЯТНИК ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ В МЕРВСКОМ ОАЗИСЕ

Археологические исследования в Марыйской области дают все новые и новые научные данные о богатой культуре Мервского оазиса в древности и средневековье. Они подтверждают то, что этот регион являлся одним из важных центров Востока, где высокая культура была не только в городах, но и в сельских поселениях.

Летом 1989 года археологический отряд Института истории им. Ш.Батyroва АН СССР проводил разведочные исследования на поселении Гоша-депе. Оно расположено в оелении Кадыр-Яб, в центральной усадьбе колхоза "Москва" Каракумского района.

Ранее памятник не изучался. Свое название он получил из-за двух спаренных холмов, составляющих остатки бывшего поселения. Северный холм (52 x 51 кв.м), почти квадратной формы, ориентирован по странам света. С юго-восточной стороны к нему плотно примыкает южный холм (52 x 26 кв.м), прямоугольный и вытянутый по линии Север-Юг. Высота холмов почти одинаковая и достигает 3,5 м.

Для выяснения и уточнения хронологических границ обживания памятника на самом высоком месте, на юго-западной окраине северного холма, был заложен стратиграфический шурф (6 x 5 кв.м, глубина - 6,5 м). Материалы, полученные в ходе изучения шурфа,

позволяют сделать вывод, что поселение обживалось в IX–XII вв. и погибло в результате большого пожара.

В целях выяснения планировки остатков строения поселения на юго-западной части северного холма заложен раскоп (18 x 10 кв.м), расширивший стратиграфический шурф. Территория раскопа, не считая участка шурфа, был углублен до 1,10 м. Раскопки выявили кладку внешней стены, идущей параллельно обрыву холма на 3,5–4,0 м по линии Запад–Восток. Эта внешняя стена является единой для всех выявленных четырех помещений. Стена, толщиной от 1,35 до 1,40 м, сложена из сырцового кирпича размером 35 x 35 x 8,5 см. Она сохранилась на высоту 3,30 м. От нее к северу идут четыре стены, образующие соответственно 4 помещения. Южными стенами всех этих помещений служит обводная внешняя стена. Судя по архитектурно-планировочным данным, можно констатировать, что перед нами четко, заранее спланированная архитектурно-хозяйственная структура, которую можно датировать X–XII вв.

Обнаруженные находки в целом незначительны. При раскопках найдены фрагменты глазурованных, неполивных и ангобированных сосудов. Керамика представлена изделиями, изготовленными на гончарном круге, так и лепным способом. Среди поливной керамики следует отметить желто-коричневый, зеленый, сине-зеленый, серебристый цвета поливы. Подъемный материал также незначителен: кроме керамики встречены жженые кирпичи. Керамика, как подъемная, так и обнаруженная в ходе раскопок, указывает на X–XII вв.

Археологическое изучение поселения Гоша-депе показало, что этот памятник является поселением одного периода обживания, т.е. X–XII вв. Дальнейшие археологические работы на Гоша-депе позволят выяснить его планировочную структуру в целом и дадут возможность реконструкции, откроют неизвестные пока страницы истории возникновения, развития и упадка жизни на этом поселении, а также внесут ясность во многие вопросы истории и культуры Мервского оазиса X–XII веков.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОДОХРАНИЛИЩА -
САРДОБЫ В ЖИЗНИ СРЕДНЕВЕКОВОГО МЕРВА

1. Территория Средней Азии, где издавна вода ценилась на вес золота, - это регион, в котором исключительно сильно развивалась система искусственного орошения и водоснабжения. Подтверждением этого являются сардобы, устраиваемые на трассах караванных путей и в средневековых городах. М.Э.Массон называл их "пасынками" среднеазиатской археологии из-за их недостаточной изученности. Он впервые в 1928 г. предпринял попытку пропаганды сардоб. Лишь в последние годы это положение стало постепенно изменяться. Стали появляться материалы раскопок цистерн-водохранилищ, материалы их строительных растворов.

2. О существовании в Мерве водохранилищ говорят дошедшие до нас работы средневековых авторов. Однако, описаны сардобы в старинной географической литературе недостаточно широко. Видимо, это объясняется тем обстоятельством, что в их наличии не было ничего примечательного, и потому средневековые ученые не находили нужным отмечать особо такие обыденные предметы. Будучи в Мерве, арабский историк X века Ал-Макдиси написал в 985 г. в своей книге "Ахсан ат-такасим фи-марифат ал-акалим" ("Наилучшее распределение для познания стран") следующие строки: "... Вода (Разик) входит в старый город и ... расходится по немногим, но глубоким хаузам ... У них (в Мерве) есть водоемы, крытые (!) и открытые, со ступеньками и воротами, которые открываются и соединяют их с каналами по мере надобности..."

Располагались сардобы в местах наибольшего сосредоточения людей: возле базаров, при мечетях и т.д. Например, историк арабского происхождения, родившийся в III3 году в Мерве и проживший 54 года, Ас-Самани в своей книге "Китаб ал-ансаб" пишет: "... Хауз Ризам - квартал в Мерве, ... а Ризам устроил там хауз (бассейн) в мечети..."

3. Примером такой сардобы может служить водохранилище, обнаруженное в 1983 г. и на данный момент частично раскопанное в центре городища Гяур-кала. Оно располагалось в соборной мечети,

известной под названием "мечети квартала Гени-Махан". Сардоба представляет собой цистерну овальной формы, диаметр в верхней части - 6 м. Купол помещения обвалился еще в древности и вся его внутренность была заполнена завалом. В результате проведенных работ цистерна расчищена на три четверти, по мере возможности частично вскрыты подземные галереи и желоба-водостоки. Обнаружены два парадных входа, из которых один из жженого кирпича с сохранившимся сводом расчищен полностью, а второй - частично. Стены сардобы сложены из разноразмерного кирпича. Внешняя грань стены сложена небрежно, что указывает на то, что после постройки помещения вырытый для него котлован был засыпан. Внутренняя сторона стен сложена гладко, с большой тщательностью. Прекрасной сохранности пол сверху был обвязан водостойким, так называемым, кировым раствором и заглажен повверху доблеска. В нижних галереях был обнаружен колодец диаметром 0,75 м.

4. Изучение сардоб, как древних инженерных сооружений Средней Азии, дает много поучительного. Сооружение их было связано с развитием городской жизни в Мерве, а в округе они обеспечивали водой караваны, которые в большом количестве продвигались со своими товарами в столицу Северного Хорасана, великий и красивейший Мерв.

О.Бабаков
(Ашхабад)

НОВЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О СРЕДНЕВЕКОВОМ НАСЕЛЕНИИ МЕРВА

Новые краниологические материалы из Султан-кала получены в результате раскопок XIII стрелом ЮТАКЭ в 1985-1987 гг. По определению начальника экспедиции Т.Ходжаниязова, на этом кладбище похоронены люди, перебитые войсками Чингиз-хана.

Обряд захоронения на территории Султан-кала имеет свои особенности, отличающиеся от обряда захоронения средневекового населения Туркменистана. Могильная яма не глубокая, размерами 90-55 см, суживающая у ног, ширина над головой - 70 см, у ног - 33 см. Стены могил сложены из половинок сырцового кирпича. Стена одной могилы служит стеной для другой могилы, причем стены

могил воздвигнуты над покойником. Об этом свидетельствует такой факт, что в некоторых случаях отдельные части скелета (лежащего в анатомическом положении), оказались под стенами, когда в могиле было похоронено несколько человек. Такой обряд захоронения в целом не характерен для средневекового населения Туркменистана, оно допустимо в случае массовой гибели населения.

Среди погребенных преобладают женщины, причем, как правило, независимо от возраста, они были похоронены с малолетними детьми.

По антропологическому типу население Мерва в ту пору относится к длинноголовому европеодному типу.

В.А. Дившиц
(Ленинград)

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ИЗ ДРЕВНЕГО МЕРВА

1. Древний Мерв (Маргу=, авестийское Моуру=, греч. Маргоа, Маргиане, букв.: "луговая" или "окруженная зарослями", от названия реки) – область, населенная иранскими племенами уже, вероятно, с середины II тыс. до н.э. Жители ее говорили на иранских диалектах, очень близких или идентичных диалектам соседней Парфии, относящимся к северо-западной иранской группе. О выдающемся значении Мерва в истории культуры и религии древних иранцев свидетельствует зороастрийская традиция: в авестийском "Видевдате", сохранившем древнее сказание об истории распространения зороастризма, Мерв назван сразу же после легендарной родины иранцев "Арйанэм-вайджах" и "Тавы, обители согдийцев".

2. Большинство современных исследователей критически относится к гипотезам о существовании доахеменидских государств в Восточном Иране и Средней Азии, в том числе и доахеменидского "Большого Хорезма", центрами которого предлагалось считать Мерв и Герат. Однако, как кажется, нет оснований относить к легендарным упоминаниям "Гератского Мерва" (Моуру-х̄аройу-) в авестийском "Михр-Яште" – это название могло быть обозначением реально существовавшей доахеменидской конфедерации Мерва и Харайвы (Арей). Уровень развития древнеземледельческой цивилизации первых веков I тыс. до н.э., открытой в Мерве, позволяет предположить, что в доахеменидский период здесь могло сложиться государство (В.М.Массон). Возможно, что последним правителем Мервского царства, завоеванного Киром II, был Фрада – вождь антиахеменидского восстания, вспыхнувшего в конце 522 г. до н.э. В древнеперсидской версии Бехистунской надписи Фрада именуется "главным" (масшта) среди маргианцев, однако в той же версии в сводном перечне вождей восставших он назван "царем" (хшайаспа), а в эламской версии его всегда именуют сункук – "царь".

Если в Мерве действительно существовало доахеменидское государство, то его официальной письменностью была скорее всего арамейская, проникшая сюда из Западного Ирана, где она уже в V—VI вв. до н.э. стала соперницей аккадской клинописи. В ахеменидскую эпоху арамейское письмо и арамейский язык были в официальном употреблении во всех областях империи, в том числе в Восточном Иране и Средней Азии. Пергамент, служивший основным материалом для арамейского письма, не дошел до нас из этих областей, поэтому об ахеменидской арамейской канцелярии в Восточном Иране приходится судить по надписям V в. до н.э. на каменных культовых предметах из Арахосии и, главное, по более поздним письменностям, восходящим к арамейской. Традиции арамейской канцелярии были живы в Восточном Иране в IV—III вв. до н.э., о чем свидетельствуют, в частности, монеты сатрапов Парфии середины III в. с арамейскими легендами.

3. Среди письменностей арамейского происхождения почетное место занимает парфянская, сложившаяся во II в. до н.э. и бывшая в употреблении в Парфии и в Мерве до V—VI вв. н.э. Большинство парфянских памятников приходится на время существования Аршакидского царства, однако сейчас известно несколько парфянских надписей на керамике, относящихся к сасанидской эпохе и показывающих, что процесс поглощения парфянского языка среднеперсидским (официальным языком государства Сасанидов) растянулся на несколько столетий — он завершился лишь в VI или VII вв.

4. На территориях Парфии и Мерва в III—VI вв. было создано много парфянских манихейских текстов (Мерв — в форме Марг — упоминается в этих текстах), написанных разновидностью арамейского пальмирского письма, однако до нас дошли лишь парфяно-манихейские рукописи, переписанные в согдийских манихейских общинах Восточного Туркестана VIII—IX вв., когда парфянский был уже мертвым, но оставался (наряду со среднеперсидским) языком восточно-манихейской церкви. Не дошли до нас и сирийские христианские тексты, составившие или, по крайней мере, переписывавшиеся в Мерве, где несторианское христианство имело широкое распространение (об этом свидетельствуют, в частности, сирийские, согдийские и арабские источники). Ранее проникновение в Парфию и Мерв буддизма, о котором можно судить по письменным (китайские, парфяно-манихейские) и археологическим источникам, должно было, очевидно,

сопровождаться перепиской и переводами буддийских сочинений, но эта литература до нас не дошла. Две санскритские буддийские рукописи на бересте, найденные на Гяур-кале и относящиеся, по-видимому, к VI в. н.э., привезены из Индии.

5. На территории Мерва до сих пор не обнаружены крупные собрания парфянских документов, подобные тем, что открыты на Старой Нисе, однако, как можно судить по палеографии, наиболее ранние парфянские надписи из Мерва не уступают по возрасту нисийским ostraka. Большинство мервских парфянских надписей найдено в северо-восточной части Гяур-калы, где в I в. до н.э. — I-II вв. н.э. располагались мастерские металлостроителей и квартал мукомолов (раскопки З.И. Урмановой). Найденные здесь парфянские надписи были сделаны чернилами на целых сосудах и обозначали принадлежность сосудов определенным лицам. Такие "владельческие" надписи включали в себя имя хозяина сосуда, иногда — имя его отца и арамейскую гетерограмму со значением "сын", редко — обозначение социального положения (титул, звание и др.) хозяина, а также название самого сосуда. Почти во всех надписях присутствует гетерограмма со значением "свой", "собственный" или функциональный ее эквивалент — местоимение "мой". Социальные условия, вызвавшие появление "владельческих" надписей на керамике, остаются неясными. Помимо Старого Мерва такие парфянские надписи найдены на нескольких других памятниках Южной Туркмении периода I в. до н.э. — IV в. н.э., а также в Месопотамии (парфянские слои Ниппура). Сопоставление надписей из Мерва и Ниппура показывает единообразие формуляров, почерков и ряда других канцелярских реалий на всей огромной территории Аршакидского царства. "Владельческие" надписи на керамике, близкие или идентичные по структуре надписям из Мерва, известны в настоящее время и в других древних восточно-иранских письменных традициях — хорезмийской, согдийской, бактрийской. Примечательно, что они послужили прототипом для надписей на предметах торевтики.

Старейшие из парфянских надписей, найденных на Гяур-кале, датируются по палеографическим признакам I в. до н.э. Особенно интересны две надписи на тонкостенном кувшине с шаровидным туловом (в надписях содержится парфянское название такого сосуда). Эти надписи показывают, что кувшин сменил хозяина; обе они сделаны одним и тем же почерком: "Этот сосуд собственный Бурзака", (ниже): "Этот сосуд мой, Вархрагягурака".

Обозначение социального положения владельца сосуда содержится в краткой ранней парфянской надписи, найденной на Гяур-кале, по-видимому, еще в начале 50-х гг., но до сих пор не опубликованной (надпись известна мне по прорисовке М.Б.Массона; оригинал хранится, очевидно, в архивах ЮТАКЭ): "Государь Бурзсахт". Титул "государь" - парф. хватāv - показывает, что владелец сосуда принадлежал к высшей мервской знати I в. до н.э. или I в. н.э. Имя Бурзсахт, букв.: "высокосложенный", прозрачно по этимологии и относится к числу типично парфянских имен; как правило, хорошо этимологизируются и другие имена в мервских парфянских надписях.

6. На Эрк-кале (раскопки З.И.Усмановой) найдена "владельческая" парфянская надпись, начертанная на небольшом глиняном ритоне. Надпись, по палеографии относящаяся ко II или III в. н.э., гласит: "Собственность Пакура, сына Исы". Имя Пакур, ранее известное лишь по иноязычным передачам, типично парфянское; его носили, в частности, представители династии Аршакидов, а также их армянские и грузинские вассалы. В надписи это имя носит, очевидно, рядовой парфянин, причем сын еврея: Иса - типично еврейское имя, по форме - уменьшительное от Иосиф. Сочетание парфянского и еврейского имен может, вероятно, указывать на смешанный брак. Надпись, насколько мы можем судить, служит старейшим достоверным указанием на распространение евреев в Мерве; столь ранних прямых свидетельств нет ни для одной другой области Средней Азии и Восточного Ирана. До сих пор для периода I-IV вв. н.э. имелись лишь косвенные свидетельства о существовании еврейской диаспоры в Парфии и Маргиане ("Послания апостолов (?)", I в. н.э.; Вавилонский Талмуд, IV в. н.э., см. сводку М.Занда). К гораздо более позднему времени относятся еврейские надписи на оссуариях, найденных в некрополе Байрам-Али (раскопки С.А.Бршова, публикация надписей - А.Клеван).

7. На Гяур-кале найден только один парфянский острак, сильно фрагментированный (нет ни одной целой строки), по палеографии - IV или V в. н.э., с рисунком птицы. Острак содержал, видимо, черновик письма. Среди нескольких слов, которые удается прочесть, - гетерограммы для предлогов, прилагательное "хороший" или "благой" (также гетерограмма) и сочетание "всадник при-нес (?) ...", причем "всадник" передан собственно парфянской формой (аспб̄арак), в отличие от документов из Нисы, где употреблено персидское (заимствованное еще в ахеменидское время) асп̄ар

"всадник как представитель сословия мелкой военной знати". В гяуркалинском остраке аспбарак выступает, по-видимому, в этом же значении. Второй острак, найденный на Гяур-кале, содержит превосходно выполненное полихромное изображение мужской головы (в профиль) и две неполные строки текста. В I-й опознается пять согдийских букв (начертания букв - V-VI вв.), не соединяющихся между собой, - очевидно, писцовое упражнение; во 2-й, сильно разрушенной строке, характер знаков определить не удалось. Из сообщений арабских авторов (Самани, Якут) можно заключить, что в Мерве после арабского завоевания существовало согдийское поселение (упоминается местность, носившая название "Согдийский базарчик"). Острак показывает, что согдийцы жили в Старом Мерве уже в V-VI вв.; к VII-VIII вв. относятся, как мы увидим, два других согдийских острака с Гяур-калы.

8. Лалидарное парфянское письмо, формы которого эволюционировали очень медленно, представлено с I в. н.э. на монетах центрального аршакидского чекана (находимых и на памятниках Мерва), а также на местных эмиссиях, чаще всего на медных монетах мервского царя Санабара (предположительно - последняя треть I в. н.э.) с раннепарфянскими легендами, сменяющимися греческие. Легенды на редких серебряных монетах с именем Санабара нуждаются в дальнейшем исследовании.

9. Среднеперсидские надписи, найденные на памятниках Старого Мерва, относятся к VII-VIII вв. - позднеساسанидскому и раннеисламскому периоду (исключение составляют легенды на более ранних сасанидских монетах). Эти надписи, как правило, выполнены деловым курсивом, весьма трудным для исследования, применявшимся с конца VI в. и в других областях сасанидского Ирана. Таким курсивом начертаны тексты на двух бараньих лопатках, найденных в Мерве А.Пампелли (1904 г., не опубликованы, хранятся в Гос. Эрмитаже) и многочисленные остраки, обнаруженные главным образом А.А.Марущенко (1937 г.) и З.И.Усмановой (1960-1980-е гг.). Чтение этих трудных текстов было начато В.Г.Луконым; в последние годы оно успешно продолжено А.Б.Никитиным. Некоторые из мервских текстов этой группы - хозяйственного и культового содержания, все без дат - могут, по-видимому, относиться к раннеисламскому времени. На территории Мерва, как и всего Хорасана, арабский язык стал обязательным в административном употреблении только в 742 г. (124 г.х.),

ранее в хорасанских канцеляриях, по свидетельству ал-Джахшифари, пользовались персидским – среднеперсидским письменным языком. Это позволяет понять состав остраков, найденных в 1937 г. А.А.Марущенко на центральном холме цитадели на Гяур-кале, в остатках позднеасанидского здания, частично перекрытого развалинами другой постройки, существовавшей до середины III в. (датировка по монетам последних Омеядов и Абу Муслима). Здесь были найдены тексты на нескольких языках: среднеперсидский острак – большой фрагмент хума с частью надписи (чтения – В.Т.Лукоян, А.Б.Никитин); фрагмент сосуда с процарапанной арабской надписью, обломок барабанной лопатки с фрагментированным арабским текстом и 4 арабских острака, в том числе два – с ранними арабскими азбуками (последние издал С.Б.Певзнер); 2 согдийских острака, из которых опубликован один, с текстом учебного писцового упражнения (издания – А.А.Фрейман, В.А.Лившиц), второй согдийский острак, худшей сохранности, имеет текст хозяйственного содержания; наконец, неизданный большой острак (в семи фрагментах) с текстом, письмо которого не определено. Можно предположить, что по крайней мере часть остраков, найденных А.А.Марущенко на Гяур-кале, принадлежит к остаткам архива дабристана – школы писцов в Мерве, важнейшем центре культуры и международной торговли как в древности, так и после арабского завоевания.

В.П.Никоноров
(Ленинград)

МАРГИАНА И МЕРВ В АНТИЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

I. Самые ранние упоминания о Маргиане – историко-культурной области в долине р. Марг (совр. Мургаб) – встречаются в древнеиранских источниках: в Бехистунской надписи ахеменидского царя Дария I она именуется страной Маргуш, в "Авесте" ("Веддидад", гл. I) – Моуру. В поле зрения античной письменной традиции Маргиана попадает только в эпоху походов Александра Македонского на Восток. Первое известие о ней дошло до нас в "Истории" Квинта Курция Руфа (I в. н.э.), и восходит оно к данным кого-то из сподвижников Александра, описавших его деяния, возможно, Аристубула. Согласно нашему источнику (УП, IO, I5-I6), весной 328 г. до н.э. македонский царь совершил поход за реки Ох и Окс и

достиг города под названием Маргания, т.е. Маргиана, согласно поправке, сделанной в тексте Курция Руфа еще в ХУІ в. А.Эртелем, которая поддерживается многими современными исследователями. Сообщается также, что греко-македонянами вблизи этого города были основаны шесть крепостей, однако корреляция этих сведений Курция с соответствующими пассажами Арриана и Диодора о весенней кампании Александра 328 г. говорит скорее в пользу их сооружения на территории Согда. Что же касается "города Маргиана", то это был, вне всякого сомнения, древний Мерв, ставший к тому времени главным городом всей области. Здесь Александр основал колонию и назвал ее Александрией (Плиний. Естественная история, УІ, 47; Солин, 48, 3).

2. Дальнейшее формирование представлений о Маргиане в античной историографии происходит в позднеэллинистический и римский периоды. Все эти сведения по своей исходной источниковой базе делятся на несколько традиций, чередующихся в определенной хронологической последовательности. К первой традиции относятся известия, восходящие, по всей видимости, к одному главному источнику — "Парфянской истории" Аполлодора Артемидского, которая была написана между 63 и 49 гг. до н.э., но, к сожалению, до нашего времени дошла только в виде нескольких фрагментов. Данные Аполлодора были использованы Страбоном (Геогр., II, I, 14; XI, 10, I; 2), а также, очевидно, Плинием Старшим (УІ, 46-47) и Юлием Солином (48, 2-3); частично этой традиции следуют Аммиан Марцеллин (XXIII, 6, 54) и Стефан Византийский (п.с. "Антиохия", № 12). Описания Маргианы у названных авторов суммируются следующим образом: это страна с мягким климатом, способствующим развитию земледелия на равнинной части, в особенности разведению винограда; маргианская равнина закрыта со всех сторон горами и труднодоступна из-за окружающих ее песчаных пустынь; в начале III в. до н.э. Селевкид Антиох I Сотер построил на месте разрушенной варварами Александрии Маргианской город Антиохию. В целом положительно оценивая сведения Страбона, Плиния и Солина о географическом положении и природно-климатических условиях Маргианы, которые в известной степени близки к реальности, необходимо в то же самое время указать на ошибочность представлений этих писателей о существовании вокруг неких гор — источником этой ошибки послужило, вероятно, неясное место из сочинения Аполлодора о том, что Ария и Маргиана

окружены горами, тогда как эта характеристика должна относиться к одной лишь Арии (Пьянков, 1982).

3. Ко второй традиции относится краткое описание Маргианы в дорожнике Исидора Харакского, составленном до 77 г. н.э. на основе более раннего парфянского итинерария, который характеризовал географическую ситуацию на востоке империи Аршакидов незадолго до начала н.э. Согласно Исидору (§ I4), Маргиана находится между Апаварктикеной и Арией, в ней есть город Антиохия, называемый также Энидром (древнегреч.: "хорошо снабженный водой"), деревни в этой области отсутствуют.

4. Третья традиция представлена сведениями из "Географии" Клавдия Птоламея (II в. н.э.). В сравнении со своими предшественниками, Птолемей сообщает о Маргиане много новых данных (VI, IO; УШ, 23, 5-6): в частности, он дает детальное описание ее местонахождения и границ, перечисляет населяющие ее народы, приводит наименования маргианских городов и указывает географические координаты всех называемых им пунктов. Такая осведомленность Птолея объясняется использованием им новых источников - в первую очередь, сочинений Мая Тициана (I в. н.э.) и Марина Тирского (вторая половина I - начало II вв.). Однако территория Маргианы предстает у Птолея в сильно искаженном виде, что явилось следствием как недостаточной достоверности его информаторов, так и его личного произвольного толкования сообщаемых ими сведений. Прежде всего, Маргиана оказалась сильно вытянутой в долготном направлении, в результате чего она протянулась до самого впадения реки Окс (Амударья) в Гирканское (Каспийское) море, а на ее территории разместились племена дербиков, массагетов, парнов, даев и тапуров, никогда там на самом деле не обитавшие; устье Окса у Птолея стало местом соприкосновения трех стран - Гиркании, Маргианы и Скифии, что также противоречит реальному положению вещей, как, впрочем и то, что река Марг впадает в Окс.

5. К четвертой традиции относится упоминание Антиохии Маргианской на т.н. Левтингеровой таблице (сегм. XII, 5) - средневековой копии древнеримской карты, созданной на основе специально составленного дорожника не позднее начала III в. н.э. в связи с подготовкой восточного похода императора Каракаллы. Заметим, что присутствие Мерва-Антиохии, вероятно, уже в итинерарии Мая Тициана, написанном в качестве практического руководства для нужд римской

торговли с дальневосточными странами, а также ее наличие на Певтингеровой таблице, определенно свидетельствуют о важной роли Антиохии Маргианской как транзитного пункта на одной из ветвей основной трассы "Великого шелкового пути".

6. Интересующие нас сведения имеются еще у двух позднеантичных авторов: так, беглое упоминание о маргианцах содержится в восточном сокращенном издании труда историка эпохи Августа Помпея Трога (4I, I, IO); Плутарх (ок. 40-120 гг.) в биографии Красса (гл.24) говорит о доспехах парфянской конницы, изготовленных из маргианского железа. Источники этих сообщений не известны.

7. Важно отметить, что многие известия греко-латинской нарративной традиции о Маргиане и Мерве нашли свое подтверждение в ходе археологических исследований, проведенных в дельте Мургаба ЮТАКЭ под руководством М.Б.Массона. В частности, удалось выяснить, что Александрия и Антиохия в Маргиане могут быть отождествлены с городищами Эрк-кала и Тяур-кала в Старом Мерве. Были обнаружены и остатки районной стены Антиоха I, о которой упоминает Страбон. Раскопки выявили также хорошо налаженную систему водоснабжения античного Мерва из протока Разик, что наглядно подтверждает соответствующее сообщение Исидора Харакского. Наконец, сам факт, что Птолемей называет девять (!) городов на территории Маргианы (а следующий ему или его источникам Аммиан Марцеллин - три), тогда как его предшественники, пользовавшиеся данными не позднее I в. до н.э. (Страбон, Плиний, Солин, Исидор), знали только один - Александрию-Антиохию, явно отражает реальную ситуацию - значительный рост городской жизни в Маргиане, начиная с позднепарфянского периода, что наблюдается и по результатам недавних археологических изысканий в Мервском оазисе, предпринятых Маргианской экспедицией Института археологии АН СССР и Ашхабадского университета.

М.С.Ниязова
(Ашхабад)

АРАБСКИЕ ИСТОЧНИКИ О МЕРВЕ ПЕРЕД МОНГОЛЬСКИМ НАШЕСТВИЕМ

Время расцвета Мерва приходится на период, непосредственно предшествовавший монгольскому нашествию. В XII веке Мерв был одним из крупнейших городов Востока. Сохранились арабские источники,

относящиеся к этому времени. Среди них особенно ценны свидетельства такого автора, каким был известный путешественник и ученый Йакут ар-Руми (Шихаб ад-дин Абу Абдаллах ал-Хамави, ум. в 1229 г.). Он посетил Мерв непосредственно перед монгольским завоеванием. В своем знаменитом географическом словаре "Мутхам ал-булдан" Йакут говорит о Мерве: "... это - знаменитейший из городов Хорасана и его столица. ... Я покинул Мерв в 1219 году в самом лучшем его состоянии. В Мерве 2 мечети: ханифитская и шафитская. Я провел там три года и не нашел там изъяна... Если бы не то, что произошло из-за нашествия татар на эти страны и их разрушение, я не покинул бы его (Мерв) до смерти из-за обходительности, мягкости и вежливости его жителей и множества книг по части основных наук, находившихся в нем. В то время, как я покидал его, там было 10 книгохранилищ-ваффов. Во всем мире я не видел подобных им по количеству и превосходству их".

Более ранний период истории Мерва запечатлен в "Книге генеалогических имен" Абу Са'да Абд ал-Карима б. Мухаммеда ас-Сам'ани, умершего в 1166 году, уроженца Мерва. Две библиотеки семейства ас-Сам'ани видел в Мерве Йакут.

Ас-Сам'ани был знатоком истории Мерва, его капитальная работа, служившая источником как для средневековых авторов, так и для наших современников, содержит ценные сведения по исторической географии, топографии городов; истории науки и культуры Туркменистана и соседних с ним территорий. 50-томный труд дошел до нас в сокращенной редакции Ибн ал-Асира. Благодаря исследованиям узбекского арабиста Камалиддинова Ш. стали известны еще 18 топонимов на территории Мерва, которые раньше в других источниках не обнаруживались. Кроме того, в сочинении ас-Сам'ани даются подробные сведения о городах и селениях области Мерва. Всего в Мерве ас-Сам'ани упоминает 14 кварталов, 20 улиц, 11 культовых сооружений. В окрестностях Мерва он насчитывает около 160 населенных пунктов.

Все это подтверждает, что к моменту монгольского нашествия Мерв был крупным центром культуры.

ПРИМЕЧАНИЕ: даты приведены в соответствие с принятым у нас календарем.

МЕРВСКОЕ СРАЖЕНИЕ 1510 г.

ПО ДАННЫМ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Средневековый город Мерв всегда играл большую роль в политических событиях, социально-экономических отношениях и сражениях между различными государствами и династиями. В период Сельджукидов он был столицей огромного государства. Мерв был известен во всем мире. О Мерве писали историки и литераторы. Цель доклада — осветить на основе данных письменных средневековых источников одно сражение, состоявшееся в 1510 г. под Мервом между Сефевидом Шахом Исмаилом I (1502–1524) и Шейбанидом Мухаммедом Шейбаниханом (1501–1510).

В конце XV в. в политическую арену входит Мухаммед Шейбанихан. Имя "Шейбан" он берет от пятого сына Джучи Шейбани, который был дедом Абулхайр-хана, ханом кочевых узбеков в Дешти-Кипчаке. В свою очередь Абулхайр-хан являлся дедом Мухаммеда Шейбани-хана. Последний в конце XV в. входит в политическую арену, заигрывая между последними Тимуридами, затем в короткое время, до 1507 г., завоевывает Мавераннахр, Хорезм и Хорасан. Дальнейшие военные походы Шейбани-хана привели к распространению его власти на Астрабад и Гурген. Таким образом, Шейбани-хан становится правителем обширной империи, простирающейся от Каспийского моря до границ Китая и от побережья Сырдарьи до Центрального Афганистана.

В начале XVI в., судя по данным среднеазиатских, иранских источников, туркменские племена оказались в весьма трудном положении. Территория нынешнего Туркменистана стала ареной новой ожесточенной борьбы, на этот раз между Шейбанидами и Сефевидами. Главной военной опорой, как хана кочевых узбеков, так и кизылбашей, были кочевые и полукочевые тюркоязычные племена. В ходе своих завоеваний они обосновались на новых землях, осваивали их путем захвата пастбищ и угодий местных степных племен. Все это не могло не отразиться на положении туркмен, особенно кочевых и полукочевых племен.

В 1499 г. Исмаил I становится главой династии Сефевидов и в дальнейшем, воспользовавшись войнами между туркменскими династиями Акгоюнлы и Гарагоюнлы, пришел к власти.

В начале XVI в. два молодых хищных государства – Шейбанидов и Сефевидов – начали враждовать и призывали народ к войне, разжигая религиозную рознь.

Перед неизбежным столкновением Шейбани послал шаху скорбительное письмо, в котором приказал ему отказаться от "мерзкой шиитской ереси и обратиться в лоно суннизма".

В 1510 г. Шейбани-хан находился в Герате. В это время Исмаил I захватил Астрабад, Мешхед, а также Серахс. Затем Шах Исмаил окружил Мерв. Произошли небольшие стычки, но овладеть городом он не смог. Тогда шах кизылбашей, решив обмануть узбекских предводителей, отступает к Махмудабаду (Талхатанбаба) и отправляет письмо Шейбани-хану: якобы сын турецкого султана Селим напал на Тебриз и в связи с этим он возвращается обратно. Отступление Исмаила I из-под стен Мерва преследовало цель ввести в заблуждение и выманить Шейбани-хана из крепости. Войска кизылбашей перешли Мургаб и сделали остановку у селения Махмудабад.

Исмаил шах оставил Эмир-хана Туркмена и Даде-бека курчи-баши у канала селения Махмудабад и приказал им сообщить ему, как только издали покажется войско Шейбани-хана. Это поручение было выполнено Эмир-ханом Туркменом. Шейбани-хан, увидев джигитов Эмир-хана, подумал, что основные войска шаха ушли вперед, поэтому Шейбани-хан продолжал погоню. Когда последний со своим войском перешел через мост, кизылбаши разрушили его. Произошло сражение, в котором войско узбекских ханов потерпело поражение. В бою пали почти все узбекские эмиры, в том числе и Шейбани-хан. Везирь Шейбани-хана Ходжа Камал-ад-Дин Махмуд Сагерчи бежал с поля сражения и приказал запереть ворота Мервской крепости.

После разгрома Шейбани-хана под Махмудабадом шах Исмаил I прибыл в Мерв. Состоятельные горожане во главе с Ходжа Камал-ад-Дином торжественно встретили его, причем у встречавших в руках были чаши, наполненные золотом. Шах отдал распоряжение не трогать население Мерва. Он назначает правителем своего эмира Даде-бека. Однако следует отметить, что среднеазиатские источники очень слабо освещают последние события Шейбани-хана. В частности, о Мервской битве Хафиз Таныш и Мухаммед Юсуф Мунши тенденциозно и ошибочно пишут, что шах Исмаил после победы над Шейбани-ханом вошел в Мерв, подверг жителей всеобщему избиению и, разрушив башни и крепостные стены, вернулся в Герат.

Ради справедливости следует отметить, что шах вряд ли упустил бы возможность опустошить Мерв, отдать его своим войнам на разграбление, но он не сделал этого из чисто политических расчетов. Шах скорее всего хотел привлечь к себе симпатии местного населения, особенно мервской знати. Шах Исмаил, как и многие другие феодалы этой эпохи, отличался жестокостью, любил сооружать башни из отрубленных голов противников. После одержанной победы он приказал обезглавить труп Шейбани-хана и отрубить ему руки. Кожа, содранная с ханской головы, была набита соломой и отправлена турецкому султану Баязиду II. Череп хана был позолочен и стал чашей, из которой шах пил вино.

После 1510 г. началась вековая война между Шейбанидами и Сефевидами. Вся территория нынешнего Туркменистана стала полигоном войны между двумя государствами. А это пагубно отразилось в жизни туркмен. Представители туркменского народа были привлечены обоими правителями в своих военных действиях. Что касается данного сражения, то следует подчеркнуть, что мервцы вряд ли бы встретили шаха кизылбашей, поскольку победители были шиитами; они сделали это из соображений гуманности, чтобы шах не разорил население и не погубил людей, а также не разрушил крепость и жизненно необходимые сооружения.

Правильность такого мнения подтверждается сведениями среднеазиатских источников "Фирдаус-ал-икбал" и работой Абульгази "Родословное древо туркмен".

М. Аннанелесов
(Ашхабад)

МЕРВ В ХУШ-ХІХ вв. В ИСТОРИИ ТУРКМЕНИСТАНА

I. История Мерва ХУШ-ХІХ вв. в определенной мере освещается в трудах мервского историка ХУШ в. М. Казима, хрониста походов Надир-шаха Мехди хана Астрабади, химинских дворцовых летописцев Муниса, Агахи и Баяни. Свои дневники и путевые записи оставили европейские путешественники А. Борно (1831 г.), А. Вамберг (1863 г.), попавший в 1861 г. в плен к текицам из аула Конгур, картограф и художник из Франции Гулибеф де Блоквиль, первый начальник Мервского уезда М. Алиханов-Аварокий и др. Много сведений

по истории Мерва можно почерпнуть из произведений М.Камине, Дован-шахира, Гара-шахира и др., которые были непосредственными участниками событий. Как писал В.Белинский, поэзия всегда верна истории.

2. На протяжении веков Мерв был ареной политической борьбы за овладение плодородными землями оазиса. В XVIII-XIX вв. эта борьба особенно обострилась - сюда чередой шли войска Надир-шаха авшара, бухарских эмиров, хивинских ханов, Наореддина-шаха каджара и т.д. В 1884 г. Мервский оазис был мирным путем присоединен к Российской империи. Накануне этого важного в истории Мерва политического акта борьба между Россией и Англией достигла своего апогея, в которой в той или иной степени участвовали Иран, Афганистан и Хива.

3. Население Мерва всегда было подвержено миграционному процессу, вплоть до середины XIX в. В конце XVI - начале XVII вв. сефевиды Ирана стали переселять в пределы Мерва (особенно в город Мерв) каджарские племена. Многочисленные каджары постоянно пытались вытеснить туркменские племена, которые в свою очередь сгруппировались вокруг старинной крепости Туркман-Кала и уподобляли своих противников мелким навозным жукам (гажаргельди), подчеркивая их многочисленность. В XVIII в. в Мерве наряду с каджарами проживали туркмены-татары и йомуды, населявшие округ Туркмен-Кала и Султанбенда, а также низовья Мургаба. Во второй половине XVIII в. сюда пришли сарыки, текинцы и салоры. Вековая борьба туркмен с каджарами завершилась в 1807 г., когда глава мервских текинцев-отамышцев Мухаммеднияз тархан окончательно вытеснил их из Мерва, переселив всех каджаров в Мешкед. Центральную часть оазиса населяли сарыки, низовья Мургаба - караобские текинцы из родов бахши и караахмед, районы Иолотана - салоры. Так продолжалось вплоть до 1857 г., когда сюда хлынули текинцы колена тохтамыш из Серахса и вытеснили сарыков из оазиса вверх по течению Мургаба. С тех пор этнический состав местного населения почти не менялся.

4. Климат, почва, водные запасы Мургаба создавали оптимальные условия для ведения земледельческого хозяйства, которое туркмены успешно сочетали со скотоводством и домашними ремеслами. На плодородных землях оазиса возделывали прекрасную белую туркменскую пшеницу, ячмень, джугару, путем вековой народной селекции вывели непревзойденные сорта дынь, арбузов, тыкв, кунжута, выращивали

многие огородные культуры, разводили обширные фруктовые сады и виноградники. Скороспелые, среднеспелые, позднеспелые душистые, мясистые сорта дынь, нежные сорта винограда всегда славились на мервских базарах. Туркмены вывели многие местные породы лошадей, верблюдов, овец, в частности, известную мясошерстную сараджинскую породу крупных овец, ткали прекрасные ковры и ковровые изделия. Кузнецы, ювелиры, мастера изготавливали орудия труда, украшения, юрты, изделия из дерева и кожи, сложные водоподъемные сооружения (чигирь), маслобойные прессы (джуваз) и др. Мары всегда славились своим богатым базаром, т.к. находился на пересечении крупных караванных путей. Но благосостояние Мерва всегда было связано с судьбой Султанбенда, позднее Каушутбенда. Султанбэнд неоднократно разрушался войсками Ирана, Бухары и Хивы.

5. 1 января 1884 г. в векильском ауле Гольджамал ханши состоялся генгеш мервских текинцев, на котором было принято решение о мирном присоединении оазиса к России. За годы колониального господства было отчуждено более 100 тыс. десятин поливных земель в оазисе, на базе которых было создано т.н. Мургабское государевое имение с образцовыми для того времени плантациями, заводами, электростанцией и т.д. С 1890 г. именно здесь, в имении, начинается производство товарного хлопка в Туркменистане, которое за годы Советской власти достигло невиданных масштабов и превратилось в систему хлопковой монокультуры, начисто вытеснив многие традиционные земледельческие культуры туркмен. Царизм отбирал у местного населения и обширные общинные земли, превратив их в т.н. карендные земли, и отдавал их в аренду тем же туркменам, но уже на кабальных условиях.

6. Мервский оазис испокон веков является одним из самых богатых, густонаселенных районов Туркменистана и всегда играл заметную роль в экономической и политической жизни туркменского народа. Благодаря природно-климатическим условиям во все времена народу здесь была обеспечена зажиточная жизнь. Еще М.Кемине писал:

"Аклыгына бугдай нан, токлы нахары, Марыда хеззети эхли текенин". Это говорит о том, что и в XIX в. Мары оставался житницей Туркменистана. Мары и сегодня является одним из богатейших и перспективных экономических районов нашей теперь уже суверенной республики.

МЕРЫ И ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ
ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОКА

Н.Н.Нагматов
(Душанбе)

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ УРБАНИЗАЦИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Хотя много сделано в изучении проблем урбанизации, может быть гораздо больше, чем в ряде других разделов археологии и древней истории, однако, еще не развернуты глубокие и подробные исследования по общей периодизации истории среднеазиатской урбанизации. Лишь предварительно предложены В.М.Массоном — два, Б.А.Литвинским — пять, Ю.Ф.Буряковым и В.В.Радилюловским — три этапа урбанизации для древнейшего и древнего периодов истории Средней Азии; еще нет четкого разграничения "истории" и "доистории" урбанизации с обозначением хронологического начала и конца "доистории" и начала собственно "истории"; существует смысловая и терминологическая анархия в использовании понятий "город", "ранний город", "протогород", "античный город" и многих других; много неразберихи и авторских разнопониманий в сущностном (смысловом) определении названных понятий. Лишь теперь начат опыт формализованного моделирования протогородов Сурхандарьи и городов Чача и Илака (А.А.Аскарлов, Ю.Ф.Буряков, О.Р.Квирквелия, В.В.Радилюловский). Лишь Хорезм, Чач, Исфиджаб и Семиречье имеют свои первые периодизации истории урбанизации. Сейчас такая периодизация создана по Уструшане и Ходженту. Словом, много еще не сделано. Чем больше разворачиваются исследования, тем острее ощущаются недостатки в изучении концепции общей и частной периодизации истории урбанизации. Такая необходимость особенно остро встает сейчас, в эпоху перестройки и гласности, массового усиления интереса к истории и культурному наследию, в период нахлеста общественного и газетного дилетантизма к вопросам возраста городов. Вопросы истории городов из чисто научно-историографической концепции переходят в разряд нравственных понятий в современной духовной жизни.

В одном из недавних докладов по этой проблеме мною был поставлен ряд концептуальных вопросов истории урбанизации, а именно:

а) о ее дуальной первопричине взаимодополняющих оседлоземледель-

ческого и кочевого скотоводческого укладов производства; б) о территориально-хронологической модели (ТХи) процесса, как общерегиональной (среднеазиатской), так и очагово-зональной, связанных с конкретными природно-географическими и социально-политическими условиями всего региона и его отдельных частей; а также в) в связи с теми же условиями - территориально-хронологической ступенчатости (ТХС) возникновения и развития процесса урбанизации в разных зонах Средней Азии (см. Н.Н.Негматов. К концепции урбанизации Средней Азии: модели и ступенчатость. - В кн.: Этапы и зоны урбанизации. - Ташкент: Фан, 1989, с. 26-28). Тогда же была изложена предварительная схема периодизации истории урбанизации Средней Азии, получившая во время развернувшейся дискуссии значительную поддержку и предложения с уточнениями.

Ныне приведем ее доработанный вариант. Заметим, что здесь учтен и принят ряд удачных моментов из предложенных периодизаций Б.А.Литвинского и Ю.Ф.Бурякова - В.В.Радилюловского.

I. Эволюционный этап ранних оседлоземледельческих поселений (IV - начало II тыс. до н.э.). Памятники: Саразм, Алтынтапа, Намазгатапа, Гексюр и др.

II. Протогородской этап (II - нач. I тыс. до н.э.). Памятники: Сапалитена, Джаркутан, Миршади, Дашли и др.

III. Архаический (раннеисторический) этап (VIII-IV вв. до н.э.). Археологически изучаемые города: Балх, Мерв, Бркурган, Самарканд, Нуртапа, Дальверзин, Архаический Ходжент, Курукада, Калалыгир, Кюзелигир и др.

IV. Этап среднеазиатско-эллинистическо-индийского синтеза и наивысшего подъема древнего градостроительства (III в. до н.э. - III в. н.э.). Археологически изучаемые города: Самарканд, Балх, Ходжент (Александрия Эсхата), Термез, Тахти Сангин, Афханум, Сурх Котал, Ниса, Топраккала, Нуртепа, Мугтепа, Ширин, Канка и др.

V. Раннесредневековый этап (V-VIII вв. н.э.). Археологически изучаемые города: Балх, Самарканд, Пенджикент, Бухара, Варахша, Пайканд, Мерв, Ходжент, Бунджикат (Шахристан), Вагкат (Ура-Тюбе).

VI. Средневековый этап (IX-XV вв.). Археологически изучаемые города: Мерв, Самарканд, Хульбук, Сайед, Ходжент, Бунджикат, Ахсыкат, Отрар, группы хорезмских, чачских и семиречанских городов.

УП. Позднесредневековый этап (XVI–XIX вв.). Археологически изучаемые города: Отрар, Ходжент, Бухара, Ура-Тюбе.

УШ. Современный этап (XX в.).

Предлагаемая схема периодизации истории урбанизации Средней Азии мне представляется вполне реальной и сможет сыграть позитивную роль при дальнейших исследованиях как общесреднеазиатской истории урбанизации, так и отдельных историко-культурных областей и городов. Отметим, что хотя в данном случае мы не предлагаем суммарную характеристику урбанизации каждого выделенного этапа, однако, некоторая понятийная информация уже заложена в самих наименованиях и датах этапов, а также в перечнях изучаемых поселений, протогородов и городов. Заметим, что в науке сейчас преобладает правильная точка зрения формирования собственно города Средней Азии в эпоху возникновения классового общества и первых государственных образований второй трети первого тысячелетия до н.э., где собственно и проходит, по-моему, граница "доистории" и "истории" городов. Археологически это начало эпохи железа, время формирования присущих классовому обществу первых фортификационных сооружений ранних городов-крепостей и их цитаделей – одних из важных осязательных признаков феномена "город".

Наконец, так как этот доклад происходит на научной конференции, посвященной 2500-летию Мерва, подчеркнем, что этот город по своим гигантским сохранившимся остаткам с непрерывными наслоениями культурных слоев, систематичности, скрупулезности и строжайшей методики исследований ЮТАКЭ имеет мало аналогов в археологической практике. Строгая достоверность начальных и последующих дат развития городской жизни Мерва не вызывает никаких сомнений. Созданная археологическая стратиграфия Мерва древнего и ранне-средневекового периодов (на базе Гяур-калы и Эрк-калы), несомненно, станет одним из базовых в исследованиях проблем среднеазиатской урбанизации (М.И.Филанович. Историко-культурные археологические таблицы по городищу Гяур-кала в Старом Мерве. – В кн.: Древний Мерв (Труды ЮТАКЭ, т. XIX). Сб. статей, Ашхабад, 1989, с. 62–121).

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКИХ СИСТЕМ КОНТАКТНЫХ ЗОН

(по материалам древнего Чача)

1. Исторические особенности формирования городских урбанизаций различных регионов тесно связаны с физико-географическими условиями, концентрацией природных ископаемых, степенью связей с трассами транзитных торговых путей, политической ситуацией на различных этапах.

2. Расположенный в благоприятных физико-географических условиях — ниспадающих Чаткальским и Кураминским отрогами Тяньшаня к Сырдарье (Яксарту) в долинах ее правых притоков Чирчика и Ахангарана, Ташкентский оазис (средневековый Чач и Илак) с древности входил в контактную зону земледельческих и скотоводческих племен. Недра богаты благородными и цветными металлами, самоцветами, о чем есть сведения в средневековых письменных источниках. Через регион и вдоль него по Яксарту проходили трассы караванных путей.

Все это способствовало развитию экономики и урбанизации оазиса.

3. Господство на ранних этапах скотоводческой экономики обусловило факт относительно позднего вхождения Чача в состав урбанизированных регионов. В отличие от Маргианы, Согды и Бактрии формирование городов начинается здесь лишь в античную эпоху под влиянием, с одной стороны, древних урбанизированных регионов, с другой — с развитием местной культуры, генетически связанной с культово-монументальными центрами саков. Это отразилось на планировочной структуре. В группе городов вдоль Яксарта — преимущественно крепости правильной геометрической планировки; в глубине — аморфного плана, хотя и значительные по площади, часто с округлыми цитаделями. В регионе зафиксировано 13 городских пунктов, концентрирующихся в основном в западной долиненной зоне, и около 100 сельских поселений.

4. В раннем средневековье, в составе тюркского каганата, когда вследствие активизации социально-экономических процессов степные племена проникают в оазисы и оседают в городах, влияют на международную торговлю, в контактной зоне идут активные процессы урбанизации.

В Чач-Илаке интенсивно работают серебряные и золотые рудники, бирюзовые копи. Через центральные районы оазиса проходит одна из главных трасс Великого шелкового пути.

Общее количество городов в нем в VI—VIII вв. вырастает в 2,5 раза с резким изменением их концентрации за счет роста городов в глубине оазиса и на границе со степью.

Развитие различных функций отдельных городов (торговля, военно-административная, производственная в горнорудных районах) в сочетании с общей феодальной раздробленностью приводит не только к делению владения на две части, но и фактическому выделению областей во главе с крупными центрами, выпускающими свою монету (сравни Сван цзян: Ши насчитывает около десятка крупных городов, каждый имеет своего правителя. Общего царя нет, подчиняются тюркскому кагану).

Не случайно на Сырдарье создается ставка кагана, а столица Чача переносится на север, ближе к ставке кагана.

5. Но настоящий расцвет урбанизации наблюдается в IX—XII вв., когда в регионе функционирует более 50 городов. Корреляция данных письменных источников и археологических материалов позволяет построить модель одной из гомогенных урбанизированных систем, в которой разнообразие природных условий способствовало более или менее развитию городов со специфическим набором функций.

В южных районах выделяются пункты для переработки в первую очередь серебро-свинцовых и золотой руды; в западных — центры у переправ через Яксарт, в центре — города на скрещении торговых путей. Анализ городов по площадям (и населенности) дает правильный иерархический ряд из шести порядков. Крупнейшие — Бинкет, Шутуркет, Наукет, Харашкет, Банокет, Тункет образуют систему, связанную однодневным расстоянием караванного пути.

6. Сюда подходят две ветви пути из Хорасана через Мерв, Самарканд. Города Чача были не только транзитными пунктами, но и крупными ремесленными центрами. Известны ткани и ковры, керамика, металлическая продукция, конский набор. Известны чачские танцоры и музыканты. В свою очередь в Чач поступала продукция других центров. Интересна находка в Нукете сосуда прекрасного мервского мастера-керамиста Иноятана.

7. Сравнительное изучение городских систем регионов Средней Азии позволяет выделить две ведущие модели урбанизации,

обусловленные экологическими и социально-экономическими особенностями.

Первая модель: формирование сети городов на контактной территории одной речной магистрали, концентрация пучка караванных трасс способствует росту отдельных полифункциональных центров, возвышающихся на несколько порядков в иерархической системе; т.е. моноцентрическому пути. Таков путь урбанизации в Маргиане, Согде.

Вторая модель: формирование городской сети региона на разных речных магистралях с самостоятельными ведущими функциями (расположение на разных транзитных путях, рост за счет интенсивного извлечения и обработки рудных ископаемых, тяготение к разным экономическим базам) может привести к созданию двух или целого ряда иерархически близких друг к другу городских центров, что приводит к полицентрическому развитию урбанизации системы региона. Примером этого в Мавераннахре могут служить Южный Согд, Фергана и особенно Чач-Илак, в котором складывается система из шести крупных центров, тесно связанных между собой и равномерно обслуживающих прилегающие районы периферии. При этом с сокращением экономического потенциала участка его центры замещаются городами более нижнего иерархического порядка.

К.М. Байпаков
(Алма-Ата)

ПУТИ УРБАНИЗАЦИИ НА ЮГЕ КАЗАХСТАНА

I. Один из основных историко-географических районов урбанизации - Южный Казахстан - включает две зоны: сырдарьинско-каратскую и предгорно-тяньшанскую. Начальные этапы урбанизации восходят к последним векам до н.э. и связаны с развитием единой, на наш взгляд, сырдарьинской культуры, варианты которой известны как джетысарская, отрарско-каратская, каунчинская и арнско-таласская культуры. В первой половине I тыс. н.э. формируются оазисы с крупными центрами - Джувантобинский и Кокмардановский на Арсы; Отрарский, Оксызский, Шавгарский, Яныкурганский, Джетысарский на Сырдарье. К середине I тыс. н.э. формируются трехчастные города с питадзелью, шахристаном и рабадами. Сырдарьинское население участвовало в сложении культуры Согда и в какой-то степени - Хорасана.

2. Раннесредневековый этап, охватывающий VI – первую половину IX в., характеризуется включением Южного Казахстана в Тюркскую империю, Тюркешский и Карлукский каганаты. Города в это время являлись прежде всего административными ставками, а уже затем центрами ремесла, торговли. В среде городского населения распространяются зороастризм, христианство, буддизм, одним из трансляторов которых является Мерв. Время раннего средневековья – это период взаимодействий и взаимовлияний в области культуры, искусства, время, когда эталоны высокоурбанизированных центров – Согда, Хорасана – распространялись и в других областях Средней Азии, в том числе и на юге Казахстана.

3. В IX – начале XIII вв. наблюдается общий подъем городской культуры. Формируются новые районы городской жизни, увеличивается число городов, расширяются старые города за счет роста рабадов. Развиваются ремесла, торговля. В Испиджабе, Отраре, Будухкете чеканится монета, распространяется поливная керамика, в структуре застройки городов появляются мечети, бани.

Арабское завоевание, которое является своеобразным рубежом двух периодов в развитии урбанизации Средней Азии, и саманидское завоевание Испиджаба, Отрара и Тараза, которое является таким же рубежом для Южного Казахстана, оказали всестороннее воздействие на жизнь района. Южный Казахстан пошел под влияние мусульманской культуры, начинается интенсивное сближение культур от Хорасана до Семиречья. Подъем оседлой и городской культур на юге Казахстана во многом явился следствием оседания кочевников – кангаров, огузов, карлуков, кипчаков. Аналогичные процессы наблюдаются и в Средней Азии, в том числе и в Мервском оазисе, жизнь городов которого определялась взаимоотношениями с огузами. Интересным историческим фактом, иллюстрирующим связь Отрарского оазиса и городов Туркменистана, может быть назван случай ссылки в Нису двоюродного брата последнего караханидского владетеля Османа Самаркандского Тадж-ад-дин Бильге-хана. Это событие также отражает события, связанные с завоеваниями хорезмшаха Мухаммада, в конце правления которого в его империю вошли и сырдарьинские города, и Мерв.

4. После татаро-монгольского нашествия, нанесшего по урбанизации Южного Казахстана тяжелый удар, лишь в середине XIII в. начинается восстановление городской жизни. Важную роль в подъеме городов района сыграла международная торговля, а также то, что

ряд городов - Отрар, Сауран, Туркестан, Сыгнак - становились центрами Ак-орды.

В подъеме городской жизни в последней четверти XIV - начале XV в. определенную роль сыграла политика Тимура, стремившегося сделать города Сырдарьи опорными центрами империи. Аналогичную политику он проводил и в отношении Мерва.

5. В середине 60-х гг. XV в. формируется Казахское ханство, в укреплении которого важную роль играли города, бывшие административными центрами, узлами ремесла, торговли и культуры. Города в XV - начале XVI в. переживают период подъема - этот процесс характерен для всего среднеазиатско-казахстанского региона. Для этого времени характерно максимальное развитие товарно-денежных отношений. Важную роль в жизни города играли свободные ремесленники, объединенные в цеховые организации. Наличие таких цехов, в частности, цеха гончаров, прослеживается на археологических материалах Отрара (раскопки квартала гончаров).

В строительстве мечетей и медресе, которое активно велось в эпоху Тимура, участвовали мастера из разных культурных центров. Архитектурные памятники этой эпохи из Самарканда, Мерва, Туркестана близки по своим архитектурно-пространственным решениям. Прослеживается сходство керамических комплексов. В XVI-XVII вв. усилилась феодальная раздробленность Казахстана, продолжались междоусобные войны, пустели города. Вместе с внешними причинами, в числе которых было джунгарское нашествие, городская жизнь на юге Казахстана приходит в упадок. В это же время наблюдается упадок городов Туркменистана, и Мерва в том числе.

В.Д.Горячева
(Фрунзе)

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ОБЛИК ГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ НА ТЕРРИТОРИИ КИРГИЗИИ

I. В историческом развитии города и городской культуры Киргизии выделяются несколько природно-географических зон и эталов урбанизации: Ферганская долина с устойчивым развитием городов от раннего железного века и до нового времени; Чу-Таласское междуречье с появлением поселений в VI-VII вв. и расцветом городской культуры в средневековье; Центральная Тянь-Шань и Иссык-кульская котловина

с отдельными очагами оседлоземледельческой культуры по трассам Великого шелкового пути в древности и средневековье.

2. Различия во временном ходе урбанизации, социально-экономических структурах и политических образований на территории современной Киргизии определяют системы расселения и своеобразие городов как комплексных элементов этой системы. Это и город как среда многообразных проявлений жизнедеятельности человека и общества, и градостроительный облик и социальная структура города в древности, раннем и развитом средневековье.

3. Ранний пласт городской культуры дает Ферганская часть Киргизии, где города развиваются на базе земледельческих очагов с искусственным орошением. Особую роль исследователи отводят торговым путям при формировании городов Давани, Уструшаны и Ферганской периферии. Типы планировки и генетические линии развития ранне-средневекового города восходят к традициям древнейших цивилизаций Ближнего Востока.

4. В среднем течении рек Чу и Талас выделяются крупные узлы раннефеодальной городской культуры. Пути их формирования определяют общие для градообразования факторы: благоприятные природно-географические условия, наличие полезных ископаемых, прохождение через долины трасс международных торговых путей. Урбанизации способствовали массовые миграции в Притяньшанья (иначе - Юго-Западное Семиречье) согдийцев, тохаров, чачцев и образование их колоний, оседание обедневших кочевников-скотоводов в древнетюркских каганатах, имевших здесь свои ставки.

5. Отмечается роль согдийско-тохаристанских колонистов как катализаторов в развитии городской культуры Семиречья, поставлен вопрос о федерации согдийских городов в древнетюркских каганатах (С.Г.Кляшторный).

6. Изменения в топографической структуре городов IX-XII вв. обусловлены переходом к оседлости и земледелию полукочевых племен, освоением вертикально-сезонной системы выпасов, закреплением собственности на пастбища и пахотные земли в округе городов и оселений. Характерен феномен "длинных стен" городов Чу-Таласского междуречья и понятие "аграризированный город" (П.Н.Кожемяко, К.И.Петров).

7. Городища Старого Мерва и Притяньшанья имеют ряд общих черт в исторических и культурных взаимосвязях. Общее и особенное налицо в топографической структуре городов, приемах фортификации,

строительства и декоративного оформления архитектурных сооружений X-XII вв. В этом отношении особо важны тюрко-огузские корни в культуре городов Хорасана и Семиречья.

А. Язбердыев
(Ашхабад)

МЕРВ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОСТОКА

Мерв — северный форпост всех трех мировых империй — ахеменидской, парфянской и сасанидской — еще в античную эпоху снискал себе славу одного из крупных культурных центров этих государственных образований. Так, одна из теорий, связанных с записью текстов Авесты — священного писания древней зороастрийской религии в ахеменидском периоде, свидетельствует в пользу Парфии или непосредственно Маргианы. Более конкретные сведения о Мерве имеются начиная с парфянской эпохи (250 г. до н.э. — 224 г. н.э.). Ничто не противоречит тому, что вторая по времени запись текстов Авесты, по приказу выдающегося парфянского царя Вологеза (52–77 гг. н.э.) тоже была осуществлена в пределах Хорасана. Она могла храниться в храме огня в Мерве. Во всяком случае, в начале нашей эры здесь процветала аршакидская культура. Именно к этому периоду относится написание первых по времени известных нам памятников изящной литературы на парфянском языке. Например, в Хорасане в середине парфянской эпохи на парфянском языке существовала книга "Зарернамак" ("Повествование о Зарере") — первое крупное произведение, созданное на основе иранского героического эпоса. На основе этой книги было создано "Аядгар —и Зареран" ("Памятная книга о Зарере"), произведение, дошедшее до нас на среднеперсидском языке. На этом языке дошла до нас и другая парфянская книга "Драхт —и асурик у буз" ("Ассирийское дерево и козел"). Обе эти книги в начале нашей эры были написаны на парфянском языке и приблизительно в V в. переведены на среднеперсидский язык. В частности, "Аядгар —и Зареран" использовали Дакики и Фирдоуси при создании своей знаменитой эпопеи "Шахнаме".

О культурной жизни парфянской эпохи свидетельствует роман "Вис и Рамин", время написания которого на парфянском языке тоже относится к I в. н.э. Действие этого любовного романа, вдохновившего отдельных поэтов мусульманской эпохи (например, Гургани), целиком и полностью происходит в Мерве.

Роль Мерва как центра науки, культуры и искусства особенно возросла в Сасанидскую эпоху. Это было связано с обострением в III–IV вв. идеологического противоборства между Римской и Сасанидской империями на почве распространения и развития различных религиозных учений. На признание христианства в качестве государственной религии правителями Рима сасанидские цари ответили придачей такого же статуса своей древней религии – зороастризму.

В III веке в Иране возникло новое учение – манихейство. И когда правители этих двух мировых держав увидели грозящую опасность для себя со стороны манихеев и приверженцев несторианского толка христианской религии, они устроили на них жестокие гонения. Манихейские и несторианские миссионеры, преследуемые людьми своей эпохи, нашли блестящее место для своего убежища в Мерве, где их учения продолжали процветать в течение нескольких веков и после распространения сюда ислама.

Полагают, что в III веке в Мерве среди христиан уже были письменные тексты Библии. Достоверно известно, что в том же столетии ближайший сподвижник Мани, выдающийся по тем временам религиозный деятель Мар Аммо в Парфии перевел основные произведения своего учителя на парфянский язык. Считают, что через переводы на сирийский и среднеперсидский языки народы Ирана и Средней Азии с IV века получили возможность познакомиться с творениями древнегреческих (Платона, Аристотеля, Гипократа и др.) и индийских ученых. Эта работа осуществлялась в таких городах, как Джундишапур и Мерв.

Известны имена отдельных крупных деятелей культуры и науки второй половины Сасанидского государства, живших и творивших в Мерве. Это знаменитый меценат Бузургмихр ибн Бахтаган, мудрый везир Хосрова I Ануширвана (531–579); Барзуй – прославленный переводчик с санскрита на среднеперсидский язык книги мудростей индийцев "Панчатантра", известный всему миру под названием "Калила и Димна", данным арабским переводчиком этой книги Абдулло ибн ал-Мухафрой; знаменитый музыкант и певец Барбад, 1500-летие со дня рождения которого отметила недавно отечественная и зарубежная научная общественность.

В мусульманскую эпоху Мерв достиг зенита своей славы как очага науки и культуры. Этому способствовали важнейшие мировые политические события, происходившие в нем. Отметим некоторые из

них. Последний сасанидский царь Кадигерд III (632–651 гг.), бежавший от преследования арабов, был убит здесь. В источниках сообщается, что он привез с собой тысячу пехлевийских (среднеперсидских) рукописей, которые, вероятно, положили основу некоторым из будущих превосходных мервских библиотек. Здесь в Мерве в 813 г. получил титул халифа, то есть высшего сана огромного арабского халифата, простиравшегося от Испании до западных границ Китая, ал-Мамун (813–833 гг.) – крупнейший из меценатов мусульманской эпохи.

В XI–XII вв. Мерв становится столицей могущественных сельджукских султанов. В этот период в нем действуют самые крупные библиотеки мира. Учитывая выдающуюся роль в политической и научной жизни Мерва, мусульманские авторы ни об одном среднеазиатском городе так восторженно не отзываются, как о нем. Они считали его столицей Хорасана ("Медина Хорасан"), "излюбленное царем место, царская душа" ("Мерв – шахджан"), "местопребывания царя мира" ("Мерв – шахджахан"), городом, "на который опирается мир", матерью "городов иранских областей", "куполом ислама" и т.д. "Ни один другой город не может похвастаться происхождением из него такого большого количества ученых и всякого рода знаменитых и важных людей", – писал о нем знаменитый географ Якут (XIII в.), проработавший в библиотеках Мерва целых три года. Мерву непоправимый урон нанесло монгольское нашествие. После него этот научный и культурный центр Средней Азии и Ирана не мог достичь тех уровней в этих областях, которыми прославился в средневековую эпоху на весь мир.

Е.Атагарриев
(Ашхабад)

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ В СЕВЕРНОМ ХОРАСАНЕ (домонгольский период)

Формирование средневековых городов Средней Азии относится к IX–X вв. В это время наблюдается бурное развитие ремесленного производства. По всей вероятности, это можно объяснить рядом факторов: усилением торговых и культурных связей Хорасана с отдаленными странами, массовым переходом кочевников к оседлому образу жизни. К тому же в Северном Хорасане в IX–XII вв. проводится

большие ирригационные работы, способствовавшие освоению новых земель и повышению урожайности и тем самым стимулировавшие развитие городов, как социально-экономическое явление.

Именно начиная с IX в., отмечается возведение многочисленных жилых и общественных сооружений в оазисных городах, свидетельствующие об усовершенствовании строительных материалов, в частности, массового применения жженных кирпичей и алебастров.

Следует отметить, что массовое производство и применение жженных кирпичей в качестве строительных материалов, видимо, диктовалось усилением засоленности почвы и поэтому его надо рассматривать как средство экологической борьбы со злом природы.

С утверждением ислама в IX-XI вв. существенно меняется мировоззрение общества. Это обстоятельство рельефно прослеживается на фоне средневековой архитектуры: мечети, минареты, медреса, мемориальные сооружения, караван-сарай, бани и другие общественные здания.

Массовое применение жженных кирпичей как в общественных, так и жилых зданиях позволило средневековым мастерам технически решить ряд проблем градостроительной работы.

В результате археологических исследований и визуальных обследований были зарегистрированы многочисленные ранее неизвестные монументальные сооружения. Они были отмечены на городищах Мерва, Новая Ниса, Куфен, Шехр-Ислам и др.

Однако следует отметить, что, по всей вероятности, мы сейчас располагаем гораздо меньшими данными об общественных сооружениях, чем их в наличии.

Из-за неравномерного исследования средневековых городов Туркменистана многие общественные сооружения еще не были выявлены. Тем не менее исследованные монументальные сооружения позволяют сделать определенный вывод о материальной и духовной культуре классического средневековья.

Археологическими исследованиями установлено, что в рассматриваемый период города значительно разрастаются. Этому способствовало в дальнейшем расширение функций общественной жизни города: развитие ремесла и торговли, активность политической жизни, торговые и культурные связи средневековых городов с внешним миром, в частности, с Ираном и арабскими странами.

Самым крупным средневековым городом Северного Хорасана является Мерв. Площадь его составляла около 1500—1800 га, а население — около 150 тыс. человек. Мерв был центром активной культурной жизни. Там находились ряд учебных заведений — медресе, библиотеки, оултанская обсерватория, исследовательский институт по шелководству (А.Ю.Якубовский).

Установлено, что за годы правления султана Санджара в Мерве интенсивно развивалось гончарное производство (С.Б.Лунина).

Мерв, расположенный на скрещении больших средневековых путей, ведущих на юг — в Балх и Герат, на восток — в Бухару, на север — в Хорезм, на запад — в страны Ближневосточного мира, играл огромную роль в международной торговле. Не случайно, Мерв назван "матерью" хорасанских городов.

С.Б.Лунина
(Ташкент)

МЕРВСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КЕРАМИКА КАК ИСТОЧНИК ПОЗНАНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

1. Художественная керамика, будучи одним из видов материальной культуры средневекового общества, одновременно является и одним из источников познания его духовной культуры.

2. В крупнейшем ремесленном центре Средней Азии, каковым в IX—XII вв. был Мерв, одной из высокоразвитых отраслей производства было гончарное. Значительную часть изготавливавшейся продукции составляла художественная поливная и неглазурованная керамика. Комплексы такой посуды получены как при раскопках ремесленных кварталов, так и при изучении дворцов, жилых домов и других объектов.

3. Необыкновенное разнообразие форм изделий, цветовой гаммы, геометрических и растительных узоров, наличие изобразительной тематики, широкое применение эпитафиики позволяет видеть в керамике одно из средств удовлетворения духовно-эстетических запросов населения. Этим же целям служила и привозная керамика типа люстра, минаи, селадона.

4. Дух эпохи отражали надписи, помещенные как на глазурованной, так и на штампованной керамике, со словами-благопожеланиями,

афоризмами, пословицами. Одним из новых явлений стало размещение на высокохудожественных изделиях имен мастеров.

5. Зооморфные сюжеты связаны как с отображением реально существующего и окружающего человека мира животных, так и со сказочными сюжетами, мифами (фантастические, полуантропоморфные образы). Особняком стоят сцены борьбы животных, возможно, продолжавшие отражать символику, возникшую в ранние периоды на древнем Востоке.

6. Судя по распространенности, спросом пользовались изделия с изображением человека, в том числе в сценах охоты, пиршеств, "братания". Иногда на сосудах рядами размещались изображения на музыкальных инструментах, сидящие персонажи. Особный интерес представляют сюжеты-иллюстрации к литературным произведениям, очевидно, вызывавшие у владельца керамики соответствующие ассоциации и подтверждавшие популярность таких произведений.

7. Спрос на мервскую художественную керамику, подтвержденный ее находками или находками посуды, сделанной на месте руками мервских мастеров, далеко за пределами региона (Термез, Самарканд, Южный Согд), свидетельствует о сходстве эстетических и духовных запросов населения разных регионов Средней Азии.

8. Можно считать, что керамика Мерва являлась для пользовавшихся ею людей не только предметом быта, но и одним из средств приобщения к ценностям средневековой культуры.

А.К.Мирбабаев

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

ЗОРОАСТРИЙСКИХ ПОГРИБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ СТАРОГО МЕРВА

I. Некрополь Старого Мерва стал достоянием науки почти полвека назад. Его судьба и ныне вызывает большой интерес исследователей. В раскопки некрополя заслуженный вклад внесли М.Е.Массон, С.А.Ершов, С.В.Обельченко, Г.А.Кошеленко, В.Н.Пилипко, Г.Я.Дресвянская и другие. Им же принадлежит первая предварительная интерпретация открытых раскопкой погребений, которая с накоплением более обширного материала пришла в некоторых несоответствии с историческими реалиями.

При характеристике погребального культа Старого Мерва эпохи раннего средневековья не следует забывать стратегическую роль Мерва как оплота зороастрийской религии и признанной столицы Хорасана, в которой, согласно источникам, действовало немало храмов огня. Например, два храма огня были посвящены Хурдаду и Барзину. В городе, перед царской резиденцией—кушк, время от времени возжигали гулхан—костер при исполнении обряда очищения. Наличие храмов огня в Баба Дурмазе и на поселении Актепа у станции Артык (Губаев А.Г., 1984) свидетельствует о том, что Мерв и его пригород в V—VIII вв. являлись одним из оплотов зороастризма. Кроме того, здесь, в Мерве, получил кодификацию ряд типов погребальных сооружений, таких, как устадон, оссуарно—хумное захоронение (Мунондапе), а также сагана, являющаяся переходом от зороастризма к мусульманскому обряду погребения.

2. Ввиду этого погребальный ритуал населения Старого Мерва III—VIII вв. выступает в основном как зороастрийский. Немногочисленная община христиан и иудеев Мерва жили всегда изолированно от коренного населения и вообще от внешнего мира (Дресвянская Г.Я., 1974, с. 168), в силу чего вряд ли могли сколько—либо воздействовать на погребальный культ мервчан. Находка нескольких оссуариев с еврейскими письменами (Дресвянская Г.Я., 1989, с. 157) свидетельствует о приспособлении представителей иных народностей Мерва к обрядам и культу местного коренного населения. Кроме того, оссуарно—хумное захоронение и в устадонах (наусах) характерно по большей части для населения Восточного Ирана или Большого Хорасана. В Сасанидском Иране таковую службу несли на себе "дахмак". В последних осуществлялось как трупоположение, так и хранение предварительно очищенных костей. Захоронение в дахмаках находило применение преимущественно в гористой местности. На равнине такую задачу выполняли устадоны, т.е. костехранилища, известные у нас под названием "науо". Таким образом, некрополь Старого Мерва выполнял функции устадона, о котором упоминал и автор "Сийёсатнома" в XI в.

3. В Старом Мерве было произведено также открытие дахмы и кафтархона. Однако, ввиду их неправильной научной интерпретации они не получили в литературе нужного резонанса. Дахмой служил остаток архитектурного сооружения, открытого под овальным холмом, известным как Зарыктепа, находившемся в 300 м западнее мервского некрополя.

Раскопки этого остатка осуществил В.Н.Пилипко. Он отнес это сооружение к (ряду людей, "связанных с обслуживанием некрополя" (Пилипко В.Н., 1980, с. 46). При этом главным доводом автора являлось отсутствие человеческих костей. Однако, сооружения типа Варыктепа с тремя толстыми кольцами стен и столь внушительным размером площади характерны только для дахмы. Тщательная изоляция дахмы предпринималась с целью недопущения проникновения внутрь, к трупам, хищных зверей за исключением специально обученных собак, шакалов, волков, лисиц и др. Дахма, открытая недалеко от города Сари Машхад в Иране, была окружена рвом шириной 29 м, ввиду чего она получила название "Хандак". Внутренний диаметр сооружения равнялся 80 м. Оно было окружено двумя кольцами стен шириной 5,7 м. Высота уцелевшей части стены равнялась 7 м. В центре сооружения находился низкий холм диаметром в 28 м, который являлся руинами сооружения, на которое клали покойника для очистки от мягких тканей. Такое же сооружение овальной формы, точнее в виде копыта лошади, было открыто С.П.Толстовым в Хорезме, на холме Чильпык-кала (Толстов С.П., 1948, с. 71). Массивную башнеобразную форму имела также дахма Еркургана. Внешняя стена была украшена даже гофрами (Сулейманов Р.Х., 1976, с. 537).

Определенное недоумение вызывает также интерпретация функционального назначения зданий типа "кафтархона". Подобный памятник открыт на городище Султан-кала Мерва. Он представлял из себя два прямоугольных помещения, стоявшие по сторонам от вестибюля. На стенах обеих помещений имелось более 1500 ячеек-ниш размерами 28 x 23 x 18 см. Еще одно такое здание было раскопано в самой цитадели Шахриях Арке, в т.н. "дома правителя". Оба памятника были датированы XI-XII вв. (Асильов Т., Лунина С.Б., 1969, с.211). Султан-калинокая "кафтархона" была трактована исследователями как "помещение для хранения, сушки и обработки садово-бахчевых культур, в частности, дыни". Сомнения нет, действительно, в средние века Мервский оазис славился сочными дынями, их возили даже в Багдад к столу халифа. Однако, дынь в таких глухих, изолированных от света помещениях не хранили. Султанкалинская "кафтархона" имеет замкнутую планировку, ее глухие стены ограничивали доступ воздуха, здание расквозь не проветривалось. В него не могли свободно залетать даже голуби, поскольку они были отделены прихской и тремя проемами, которые, очевидно, были заставлены деревянными ставнями и запирались. Термин "кафтархона" примени-

тельно к этим помещениям имеет чисто символическое, иначе говоря иносказательное значение. Подлинное назначение памятников типа Султанкалийского удалось установить благодаря сообщениям русского консула в Кашгаре Н.О.Петровского, осмотревшего в пригороде Кашгара два необычных здания. Одно из них представляло собой глухое глинобитное четырехугольное сооружение с небольшим наклоном стен внутрь ограды. Стены были выложены из сырцового кирпича. Внутри ограды, на каждой из четырех стен находились по шесть рядов маленьких ячеек-ниш. По утверждению Н.О.Петровского, на языке местного населения "каптархона" в переносном смысле означало здание для хранения костей в качестве оссуариев. В топонимике Средней Азии по сей день сохранилось немало мест с названием "каптархона". Они есть в Бухаре, Самарканде, в селении Тагояк Науского района Ленинабадской области и в Восейском районе Кулябской области. Правда, в прошлом в Иране, Афганистане, Средней Азии имелись специальные сооружения, в задачу которых входил сбор помета голубей для использования при дублении кожи. Но султанкалийская каптархона была предназначена для хранения предварительно очищенных костей. Они могли выполнять роль оссуария. Нам не должна пугать поздняя дата памятника. Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент под Самаркандом, например, действовало до XIII в.

Одним словом, погребальный обряд населения Старого Мерва периода V-VIII вв. и несколько позже характеризуется как зороастрийский. Зороастризм допускал многообразие захоронений умерших: от сугубо догматических с предварительным очищением костей до простонародного, сохранившегося в обряде трупоположения в дахмаках, наусах и пр. В погребальном обряде, как и в других сферах общественной жизни, социальный фон все же превалировал. Этот феномен отразился и в характере погребального обряда некрополя Старого Мерва. Таким представляется нам погребальная традиция Старого Мерва эпохи раннего средневековья.

Н.С.Бяшимова
(Ашхабад)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ПРОИЗВОДСТВА ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКИ МЕРВА

Керамическое производство как особая форма промышленности общества для древнего и средневекового периодов развивалось

наиболее активно. На протяжении всего этого времени в Средней Азии сохранилась его важная роль.

Художественное оформление глазурованной керамики на территории Южной Туркмении в рассматриваемый нами период IX–XIV вв. проходит через стадии эволюции. Начиная с IX в. в керамике Хорасана, Хорезма, Мавераннахра, как и повсюду на Среднем Востоке, осуществляется разработка не только новых технологических приемов, но и орнаментальных принципов.

Орнамент на глазурованной керамике Мерва довольно разнообразен. Это геометрические, растительные, абстрактные, эпиграфические, зооморфные и антропоморфные элементы.

В IX в. декор наносился как на неангобированную, так и на ангобированную поверхность, в последующие века – только на ангобированную поверхность. Роспись кистевая и техникой гравирования. Орнамент в этот период примитивен.

В последующие века, особенно X–XI вв., насыщены самыми различными видами орнаментации. Ранее существовавшим геометрическому, растительному, абстрактному орнаментам прибавляются эпиграфический, зооморфный и антропоморфный.

Пришедшая с арабами и закрепившаяся со времен халифата арабская каллиграфия была языком богословия. Но к X в. она прочно входит в декор прикладных изделий, в том числе массовой глазурованной керамики Мерва. Основной вид письма – стиль простого и цветущего куфи.

В Мервском регионе большое место занимает зооморфный орнамент. Ведущая роль принадлежит пернатым. Встречаются изображения животных, хищных зверей, а также антропоморфные элементы.

В XII–XIII вв. большим достижением в области керамического искусства явилась кашинная керамика, которая отличается по профилировке от глиняных изделий разнообразием и изяществом форм, а также композициями.

В XII–XIV вв. качество глазурованных сосудов на глиняной основе претерпевает упадок, они становятся грубее, причем это относится как к самой форме, так и толщине стенок, качеству глазури и декора.

На протяжении многовековой истории человеческое общество постоянно проявляло свои способности в развитии искусства, в том числе прикладного, в котором особое место принадлежит художественному

гончарству. В эпоху средневековья производство керамики в Мервском регионе и на всем Среднем и Ближнем Востоке достигло больших высот технического и декоративного развития.

Керамическое искусство сложилось здесь как результат определенных художественных запросов народа. Повсеместно появляясь в быту, оно было насыщено образами реальной действительности, преобразованной в орнаментальный цикл.

Среди мотивов и приемов орнаментации выявлены те, что характерны для традиционной, очень древней в своей основе орнаментики туркмен, которые особенно ярко выражены в коврах, кошмах, вышивках, а также в композиционных решениях ювелирных изделий.

Х.Юсупов
(Ашхабад)

ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ ХОРЕЗМА С МЕРВОМ (в свете раскопок памятников в Куня-Ургенче)

Крупномасштабное монументальное строительство Хорезма требовало опытных архитекторов. Можно допустить, что Хорезм — крупный экономический, культурный и религиозный центр Средней Азии — привлекал специалистов из окрестных регионов, прежде всего Мерва. Оживленные и разветвленные трансрегиональные караванные пути между Хорезмом и Мервом берут начало, возможно, еще со времен кочевых скотоводов эпохи бронзы.

В этом плане интересны исследования последних лет, которые дали новые материалы для трактовки так называемых мавзолеев Тирабекханым и Текеш Султана.

Памятник Тирабекханым необычен по следующим обстоятельствам: 1) расположением за порталом небольшого помещения со входом налево в маленькую хужру — комнату с окнами-бойницами типа парфянских на Нисе — караульное помещение (?); 2) размещением справа от небольшого помещения винтовой лестницы на второй этаж и выходом с двух сторон на портал; 3) устройством в стенах главного зала четырех больших арочных окон на первом этаже и двенадцати окон меньшего размера — на втором; 4) перекрытием главного зала тремя концентрическими куполами, т.е. тройным куполом, который сконструирован путем двухэтапного перекрытия; 5) пристройкой с северной стороны прямоугольных помещений с полом выше главного зала и

подземным тайным ходом в подвальное помещение, где устроены небольшие бойницеобразные окна. Помещение занято позднейшими погребениями.

По рассказам старожилов, аналогичные подземные помещения с тайным лазом расположены под каждым из четырех главных окон шестиугольного (площадь около 100 м²) зала.

Указанные отличия совершенно несвойственны погребальному сооружению. Особенно неуместны для него многочисленные окна, дающие обильный свет. Кроме того, окна, открытые летом, создавали в зале прохладу, а закрытые зимой стеклами накапливали солнечное тепло. Перечисленные соображения позволяют предполагать дворцовое назначение памятника. В таком случае северная пристройка могла служить тронным залом, а подземное помещение — сокровищницей. Памятник, вероятно, датируется домонгольским временем. Прочно держащееся предание, которое считает его мавзолеем над могилой Тюрабекханым, видимо, связано с поздней "реставрацией", т.к. маловероятно, что Кутлугтимур золотоордынский наместник-ставленник, несмотря на сообщения Ибн Батуты, всерьез занимался монументальным строительством в Хорезме, жестоко опустошенном монголами.

"Мавзолей" Текеша также дает особенности, не укладывающиеся в рамках гипотезы погребального сооружения. К ним относятся: 1) отсутствие в здании как ранних, так и позднейших погребений; 2) народная традиция связывает памятник с двумя различными историческими лицами — хорезмшахом Текешом и видным религиозным деятелем шейхом Шерефом (Шерепабаба); 3) аналогичное с Тюрабекханым интенсивное освещение центрального квадратного зала из окон первого и второго этажей; 4) раскопки последних лет выявили примыкание к порталной части монументальных стен с арками (?); в 20 м севернее портала раскопаны остатки фундамента какого-то кирпичного сооружения размером 3 x 3 м, рядом с котсырами на уровне материка обнаружен обломок каменного алтаря доисламского культа.

Нам представляется, что памятник Текеш Султана является храмовым комплексом, сооруженным в хорезмшахское время на месте раннеисламских и доисламских святилищ.

К ВОПРОСУ О СРЕДНЕВЕКОВОМ ПУТИ ИЗ АБИВЕРДА В МЕРВ

В эпоху средневековья область Абиверда составляла часть Северного Хорасана и занимала подгорную полосу Южного Туркменистана между Нисой и Серахсом. Административным центром области являлся г. Абиверд, развалины которого расположены в 8 км от пос. Каахка, на правой стороне магистрального шоссе Ашхабад - Марн.

Основным занятием населения области было земледелие. Изобилие легкодоступной воды для орошения и плодородная почва способствовали получению высоких урожаев зерновых. Поэтому в средние века область славилась как одна из трех житниц Хорасана (Макдиси. МИТТ, т. I, с. 192).

Наряду с земледелием заметную роль в экономике области играли ремесло и торговля. Археологическими исследованиями доказано, что в домонгольском периоде ремесло развивается не только в городах, но и в сельских поселениях (Бабаев А. Средневековые сельские поселения области Абиверд (IX - нач. XIII вв.). - Автореферат дисс., Самарканд, 1987).

По территории области проходило несколько торговых путей. Особое значение имела главная дорожная магистраль, пересекающая ее с запада на восток. Она шла от Нисы через г. Абиверд в Мерв. На этой трассе в пределах области отмечены две промежуточные станции. Одна из них в пределах ж.д. станции Артык, на пути от Нисы к Абиверду. Другая - на пути от Абиверда к Мерву. В источниках последняя называется Калмайхан (Макдиси. МИТТ, т. I, с. 207). Он отождествлен с памятником Ор-депе, расположенным в 3 км южнее пос. Душак (Бабаев А. Указ. работа).

В Калмайхане дорога делилась на две ветки. Одна шла на восток, прямо по направлению в Мерв, и подходила к воротам города, называемым Фирузи. Эта дорога функционировала с более раннего времени и на большинстве участков совпала с магистральной дорогой Северной Парфии, описываемой в дорожнике Исидора Харакского (Хлопин М.Н. Историческая география южных областей Средней Азии. - Ашхабад, 1983, с. 64).

Другая ветка дороги от Калмайхана направлялась на юго-восток в Хаваран и шла в г. Мехне. От Мехне дальше отходили две дороги.

Одна — на юг, через горный перевал Кара-Тыкян в г. Тус, другая — в Мерв (МИТТ, т. I, с. 343).

Дороги опосредствовали тесному торгово-экономическому контакту населения области с Мервом. Об этом свидетельствует большое сходство состава керамического материала, каменных изделий, украшений, бронзовых предметов, полученных в результате раскопок Ярты-дапе — одного из сельских поселений области Абиверда с материалами Мервского оазиса (Бабаев А. Указ. работа).

К этому можно прибавить этнически-языковую близость населения области Абиверда к Мервской, чем другим соседним областям, так как Макдион писал: "Язык Туса и Насы близок к Нишанурскому, язык Серахса и Абиверда близок к языку Мерва" (МИТТ, т. I, с.204).

З.Ж.Шарденова
(Алма-Ата)

САУРАН И МЕРВ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Изучение развалин тимуридского Мерва XV в. (городище Абдуллахан кала) было начато в 1890 г. В.А.Жуковским, продолжено ЮТАКЭ (Г.А.Пугаченкова) и вновь исследуется ЮТАКЭ в последние годы (А.О.Бердыев). Его топография, характерная для северо-хорасанских городов, может быть сопоставлена с топографией и архитектурой южноказахстанского города Саурана XV—XVI вв., расположенного в долине Средней Сырдарьи (Г.А.Пугаченкова, К.М.Байпаков). И Мерв, и Сауран были построены на новом месте. Согласно Хафизу Аbru и Абд ар-Раззак Самарканди, Мерв был заложен Шахрухом в 1 км южнее развалин средневекового Мерва; Сауран XV—XVI вв. был отстроен в 2 км северо-западнее остатков более раннего Саурана, известного сейчас под именем Каратобе. Перенесение Мерва было связано с невозможностью использовать для водоснабжения города старые каналы. Видимо, эта же причина послужила поводом строительства нового Саурана. Городище Абдуллахан имеет подквадратную форму размерами 630 x 690 м (43 га). Сауран имеет округлую форму протяженностью 800 и 550 м (44 га). Оба городища обведены стенами, сложенными из сырцового кирпича, и опоясаны глубоким рвом. И там, и здесь стены поставлены на берму. Двухэтажные башни (в Мерве их 44, а в Сауране — 4) фланкируют стены

толщиной до 3 м. В плоскостях башен прорезаны бойницы. И там, и здесь на некоторых участках стен имелись внутренние проходы. Наверху стены имели стрелковые площадки и зубчатый парапет. Интересно, что в стенах Мерва и Саурана отмечены потайные калитки, впоследствии заложенные кирпичем. Внутри городов попадали через двое ворот.

План тимуридского Мерва подчинялся регулярной планировочной схеме: главная улица делила его на две половины. Параллельно ей шла сеть улиц.

Ближе к центру Мерва находились мечеть, медресе и хауз, тогда как в Саурани, в самом центре, располагалось медресе со знаменитыми качающимися минаретами (Васифи).

Г.А.Пугаченкова пишет о том, что Мерв Шахруха дает представление о типовом планировочном решении хорасанского города, для которого характерен квадратный план, главная магистраль, рассекающая город на две части. План Саурана иной и свидетельствует о местной специфике. Однако оба города, бесспорно, имели много общего в облике, структуре застройки, фортификации.

Углубленное изучение городищ Абдулла-хан кала и Саурана, несомненно, конкретизирует общее в архитектуре городов XV-XVI вв. Южного Казахстана и Туркмении.

А.А.Росляков
(Ашхабад)

МЕРВ И РАЗВИТИЕ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ТУРКМЕН В XIX ВЕКЕ

I. Приемы ведения оборонительной войны среднеазиатскими туркменами с XI по XIII век в основном соответствовали военной системе тюрок Центральной Азии, скифов и других скотоводческих народов: семьи и скот отсылались в возможно более недоступные для врага районы, вглубь гор или пустынь, а главные силы войска вели маневренную войну против наступающих вражеских армий, широко применяя внезапные удары во фланг и тыл врага, окружение и т.п.^I В отдельных

^I Это не относится к таким сельджукидским государям, как Али-Арслан, Мелик-шах, Санджар и другие, войска которых действовали на основе средневековой арабо-иранской военной системы, в которую, впрочем, органически включались некоторые традиционные военные приемы туркмен.

войнах туркмены применяли оборону на крепких горных позициях, где вместе с войнами укрывались семьи и скот.

2. Не позже XIII в., а вероятно много раньше, та часть среднеазиатских туркмен, которая оседала на землю, стала сооружать небольшие крепости — кала. Укрепления подобного рода представляли довольно надежное укрытие против аламанов, но не могли выдержать осады со стороны более или менее значительной армии с артиллерией.

3. Но, начиная со второй четверти XIX века, туркмены используют, наряду с более древними, новый метод ведения войны — активную оборону огромных по местным масштабам крепостей, в которых укрываются уже не сотни, а десятки тысяч людей (включая семьи), порою целые племена. Возникновение этого метода ведения оборонительной войны непосредственно связано с Мервом.

4. Впервые этот метод применили сарыки в 1827 г. во время восстания против хивинского хана Аллакули. Попытка хивинцев захватить Мервскую крепость (очевидно, Абдулла-хан-калу) окончилась неудачей. В последующие десятилетия сарыки не раз подобным же образом отражали завоевательные предприятия Хивы. При этом туркмены с успехом применяли крупные вылазки, носившие фактически характер контрударов. Этот же метод был успешно применен салырами против хивинцев при обороне Иолатани в 1844 г. и Саракса в 1850 г. Однако ранее оборона Саракса в 1828 г. окончилась неудачей ввиду слишком большого превосходства сил у иранцев.

5. В середине 50-х гг. переселившиеся в Сараксе теке под руководством Кошут-хана укрыли семьи и имущество в крепости Кошут-хан-кале и дали успешный отпор хивинским войскам, а затем путем решительного контрудара с помощью других туркменских племен разбили их, причем погиб хивинский хан Мухаммед-эмин. После переселения в Марыйский оазис Кошут-хан по неизвестным причинам отказался от обороны в крепости Абдулла-хан-кале, а построил вначале крепость в низовьях Муртаба, а затем, в 1873 г., — огромную крепость Кошут-хан-кале на территории современного Мары. Оборонять ее, однако, не пришлось.

6. В 1879 г. текинцы Ахала, готовясь к обороне против русских войск, построили огромную крепость Геок-тепе, которая вмещала более половины населения Ахала с семьями — 45 тысяч человек. В 1879 г. активная оборона Геок-тепе привела к поражению русского отряда, и только в 1881 г. она была взята штурмом хорошо технически оснащенными войсками генерала Скобелева.

Таким образом, метод оборонительной войны, стержнем которого являлась активная оборона крупной крепости, где укрывалось население большого оазиса, явился очень эффективным против среднеазиатских феодальных армий и доставил серьезные трудности даже для русской армии, вооруженной и обученной по последнему слову военного искусства конца XIX века.

Н.Б.Халимов
(Ашхабад)

МЕРВ И ЕГО КУЛЬТУРА ПО ПОЗДНИМ ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ

Скудность сведений об истории Мерва в материалах, которые имеются в распоряжении ученых и хранятся в рукописном фонде, заставляет более внимательно относиться к любому источнику, где бы об этом крупнейшем центре цивилизации содержались сообщения хотя бы в несколько строк. Разумеется, поздние письменные источники XVI-XIX вв. написаны на базе более ранних, притом в них приводятся сведения, известные исследователям и по другим, давно вошедшим в обиход сочинениям, авторы которых широко известны. И все же иногда в поздних источниках коротко и мимоходом, хотя и чрезвычайно редко, могут встретиться несколько строк довольно оригинального текста.

В качестве примера приведем слова Абд ар-Рашида ал-Бакуви, чей труд широко известен, переведен на европейские языки и издан:

"МАРВ, долгота - 94 05, широта - 37 40, - известнейший и наиболее древний город Хорасана, благодатнейший, красивейший и приятный. Основал его Искандар! Зу-л-Карнайн. Наиболее древней частью города является кухандиз. Говорят, что его воздвиг Тахмурад. Там нет ничего удивительного, кроме мадинской лихорадки, поражающей жителей. В настоящее время Марв! пребывает в развалинах..."

Ал-Бакуви, автор конца XIV - начала XV вв., заимствует материал у Закария ал-Каазвини (1203-1283), чей труд очень известен. Однако существует источник в переводе на турки, чей переводчик Салар Баба Харидари, не называя сочинение, сообщает следующие, также довольно известные слова о Сельджуках, во время которых

Мерв достиг апогея своего развития: "Никакая из известных династий мусульманских царей не проявила заботы и внимания о подданных, как династия аал Селджук... В их правление было проявлено столько внимания науке, строительству мечетей, медресе, рабатов, каналов и вакфов, а также сделаны пожертвования в пользу ученых, достойных людей, кадиев и аскетов, что подобного в правление других династий никто не видел. Следы их деятельности до сих пор сохранились в мусульманских государствах..."

В этом отрывке из истории династии Селджуков, названной переводчиком Салар Баба "Тарих-и Аал-и Селджук", слово "следы" дано арабским "асар", которое еще имеет значение "памятники". А самым ярким следом сельджукидского Мерва в развалинах городища является мавзолей сельджукида Санджара, который "не в состоянии разрушить ни время, ни люди", как образно выразился ал-Исфизари. И в связи с этим памятником, а также в связи с дедом султана Санджара, с трагически известным Алп-Арсланом, хочется указать на наличие среди нашего рукописного наследия очень интересного сочинения, называемого "Тулистан". Составлен он в XIII-XIV вв. в Хырате, и один из многочисленных и интересных рассказов о справедливости сельджукидов повествует следующее:

"Однажды султан Алп-Арслан остановился с войском под Хыратом. Десять его рабов зарезали и съели единственную корову пожилой крестьянки. Утром, когда султан собирался продолжить свой путь, эта старуха села по середине моста, через которое должно было выступать войско. Султан велел ей освободить дорогу, а старуха потребовала наказать мародеров. Султан хотел заплатить стоимость коровы, но старуха не согласилась. Султан велел казначею выплатить стоимость десяти коров. На это старуха сказала, что султан деньгами или силой может проехать этот мост, но он пусть подумает о том дне, когда ему надо будет проезжать тот путь и тот мост, который называется мостом Сырата. При этих словах султан Алп-Арслан опешился, сел подле старухи и распорядился найти тех рабов, разрубить их на части и повесить эти куски на деревьях села.

Когда султан Алп-Арслан был убит в Амуле, он прионился той старухе из села под Хыратом, восседающим по середине рая. Старуха распустила волосы, посыпала их пеплом и отправилась в Хырат с плачем. При этом она причитала: "Убит султан Алп-Арслан и вместе с ним убита справедливость (адалат)". Все население Хырата плакало вместе с той старухой".

Следующий короткий рассказ из "Гулистана", на наш взгляд, имеет отношение к строительству упомянутого мавзолея, хотя в тексте и нет прямых на то указаний. Рассказ: "Султан Санджар строил ымарат здание и потребовалось высокое дерево. Такое нашлось у одной из жительниц Мерва. Слуги султана предлагали большие деньги, но та женщина не уступала. Приехал уговаривать главный везир - не помогло. Строительство стало, и тогда прибыл сам султан. Женщина бесплатно отдала дерево в честь приезда султана и накрыла огромный дастархан, угощая султана, его свиту и всех своих соседей по улице".

В рассказе содержится моральное обоснование поступка этой мервчанки с дидактической стороны. Но этот рассказ, пока не встреченный нами в других источниках, по-видимому, говорит о строительстве мавзолея, когда для возведения купола требуется очень высокое дерево для вращающихся кружал. В таком случае можно предположить, что строительство мавзолея произошло еще до "гуской смуты" II53 г.

К. Курбансахатов
(Ашхабад)

РОЛЬ МАРГАНЫ
В РАСПРОСТРАНЕНИИ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КУЛЬТУР
В СРЕДНЕЙ АЗИИ

I. Открытие раннегородской цивилизации Алтын-депе в числе многих проблем поставило вопрос о происхождении, истоках и дальнейшем распространении древнеземледельческих культур Южного Туркменистана. Круг этих вопросов частично удалось разрешить в результате многолетних раскопок Алтын-депе. Стратиграфические работы на отдельных участках поселения позволили установить генетическую преемственность слоев времени Намазга I-V.

Проблема генезиса позднеэнеолитического комплекса Геоксюр породила различные толкования о его происхождении. Феномен существования целого Геоксюрского оазиса поселений энеолитического времени породил миграционную концепцию. Значение этой проблематики возросло после открытия на верхнем Зеравшане в Саразме устойчивого набора ряда компонентов геоксюрского комплекса. Раскопки последних лет на Илгынылы-депе показали, что начальные стадии формирования

урбанистического комплекса отмечены в Южном Туркменистане даже в догеоксюрский период.

2. Уже с VI-V тыс. до н.э. для территории предгорной полосы Южного Туркменистана известна целая система оседло-земледельческих поселений эпох неолита-энеолита. Дальнейшее развитие системы поселений древних земледельцев основывалось прежде всего о необходимости надежного водного источника. Этот фактор вынуждал древние общины осваивать новые, более обводненные районы. Археологическими данными подтверждается вечноное освоение дельты древнего течения реки Теджен в эпоху энеолита. Для рассматриваемого времени известно 9 поселений, постепенно освоивших оазис.

3. В низовьях Мургаба, в Келделинском оазисе поселений эпохи бронзы отмечены находки керамики эпохи энеолита с типичной геоксюрской полихромной росписью. Позднее, в этих же комплексах, относящихся к периоду развитой бронзы, были обнаружены фрагменты гончарных сосудов с росписью типа Намазга IV. Эти фрагменты составляют во всем керамическом комплексе менее 1%. Тем не менее, обнаружение единичных фрагментов керамики эпох энеолита и ранней бронзы в низовьях Мургаба позволяют говорить о возможном заселении дельты древними земледельцами уже в конце IV - начале III тысячелетия до н.э. Расписной черепок типа Намазга IV обнаружен также в комплексах заманбабинской культуры низовьев Зеравшана. Материалы древнейшего Саразма дают комплекс геоксюрского типа, видимо, привнесенный туда общинами, которые происходили из Южного Туркменистана. Таким образом, уже в энеолитическую эпоху Маргиана, по всей видимости, являлась областью, через которую проходили различные культурные контакты и связи, что являлось своеобразной предтечей Великого шелкового пути.

4. Общины из предгорной полосы Южного Туркменистана в эпоху развитой бронзы, ощущавшие нехватку воды горных, подверженных сезонным колебаниям речушек, двинулись вглубь Юго-Восточных Каракумов, колонизовав дельтовые части Мургаба. Технические навыки позволяли населению широко заниматься земледелием. Обживание нового, плодородного и обеспеченного водой района приводит к тому, что такие крупные центры, как Алтын-дапе и Намазга-дапе постепенно забрасываются. А в Маргиане интенсивно осваиваются огромные площади плодородных земель, где складываются сотни поселений. Культура Маргиана бронзового века формируется на основе традиций, заложенных общинами предгорной полосы и привнесенных в эту область еще

в период формирования оазиса Каллели. Отмечается ряд принципиальных новшеств, относящихся к производству керамики, в глиптике и т.д. Колонизация дельты Мургаба оседлоземледельческими общинами явилась своеобразной прелюдией к дальнейшему освоению новых территорий, таких, как Южный Узбекистан, Северный Афганистан и др.

ОХРАНА И РЕСТАВРАЦИЯ
ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

А.М.Мамлюев

СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ ОХРАНЫ И ПРОПАГАНДЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ
ТУРКМЕНИСКОЙ ССР

В последнее время, как никогда, усилилась обеспокоенность за судьбу историко-культурного наследия нашего народа со стороны широких кругов общественности.

Учитывая критическое положение многих уникальных архитектурных и археологических памятников, правительством республики был принят ряд постановлений, направленных на их сохранение. Так, постановлением Совета Министров Туркменской ССР объявлены историко-культурными заповедниками территории городищ Ниса, Куна-Ургенча и Мерва, что является важным шагом в деле сохранения памятников старины. Несмотря на то, что в деятельности самих заповедников еще существует множество проблем и нерешенных вопросов, однако создание заповедников сегодня позволило более углубленно приступить к практической работе по изучению, сохранению и пропаганде этих известнейших объектов.

Проведена определенная работа по инвентаризации и паспортизации памятников истории и культуры, а также заключению охранных обязательств с руководителями предприятий, колхозов и совхозов, на территории которых расположены памятники.

Однако в деле охраны памятников в республике еще не решены многие ключевые вопросы. К сожалению, ежегодно мы фиксируем случаи грубейшего нарушения Закона Туркменской ССР "Об охране и использовании памятников истории и культуры", и Мары́йская область здесь не исключение.

Понадобилось приложить огромные усилия для того, чтобы убедить Госплан республики и Мары́йский облисполком о необходимости безотлагательного проведения дренажной системы вокруг памятников Мерва. Несмотря на заключение специалистов о поднятии грунтовых вод, разъедающих фундаменты древних построек и уничтожающих культурные слои в почве, и неоднократные напоминания и просьбы

до последнего времени продолжался сброс грязных вод от Байрам-алийской бани под стены Абдулла-хан-калы.

Решая одну проблему в области, мы тут же сталкиваемся с другой: сегодня в результате хозяйственной деятельности совхозов Каракумского района оказались в критическом положении античные крепости Дурнали и Чильбурдж, считающиеся блестящими образцами парфянской фортификации.

Одной из звеньев в деле охраны памятников являются консервационно-реставрационные работы. В 1990 году на 22 памятниках архитектуры республики, а по Марыйской области - на 8, ведутся исследовательские, реставрационные, благоустроительные и ремонтно-укрепительные работы. Хорошей оценки специалистов получила реставрация мечети Талхатан-баба в Иолотанском районе, выполненная местными мастерами. Отреставрированная мечеть передана в пользование верующих.

Относительно неплохо начались восстановительные работы на мечети Ходжа-Юсуп Хамадани в Мерве.

Сегодня вызывает озабоченность неоправданно затянувшаяся реставрация мавзолея султана Санджара. Хотя по спасению этой уникальной постройки проделана немалая работа (укреплены фундаменты и аварийные участки стен, восстановлены отдельные арки обводной галереи, законсервирована часть настенной живописи в интерьере), предстоит еще сделать многое для полной реставрации мавзолея.

Главной причиной невысокого уровня и темпов проводимых реставрационных работ является крайне слабая материально-техническая база Республиканского научно-производственного объединения "Туркменреставрация" и его Байрам-Алийского участка, а также отсутствие достаточного количества кадров-реставраторов. Кроме того, не чувствуется заинтересованности в реставрации памятников местных исполкомов, что серьезно сказывается на темпах восстановительных работ.

Плачевное состояние историко-культурных памятников усугубляется отсутствием в республике полноценного государственного органа по охране памятников, который был бы в состоянии охватить и решить все вышеизложенные проблемы. По данному вопросу направлены материалы в Совет Министров СССР с просьбой рассмотреть возможность создания Государственного комитета Туркменской ССР по охране и использованию памятников истории и культуры, с передачей ему соответствующих полномочий.

ПУТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ОХРАНЫ И ПРОПАГАНДЫ
ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
(по опыту музея-заповедника Ниса)

1. В современных условиях значение изучения и сохранения культурного наследия всех народов нашей страны резко возрастает, но особенно важно это для Туркменистана, где на протяжении многих десятилетий уделялось явно недостаточное внимание многим проблемам сохранения и изучения культурного наследия.

2. Только в последнее время положение начало несколько изменяться, свидетельством чего стало создание музеев-заповедников, самым первым из которых стал музей-заповедник Ниса.

3. Поскольку Нисийский музей-заповедник обладает уже некоторым опытом работы, то данный доклад, возможно, будет иметь некоторое значение для вновь созданных музеев-заповедников.

4. Основным препятствием для интенсификации охраны и пропаганды памятников культурного наследия в условиях Нисы (и, видимо, всех остальных музеев-заповедников) является отсутствие специального здания музея, в котором обеспечивалось бы экспонирование и хранение археологических находок, проведение лекций и иных мероприятий, научная обработка имеющихся коллекций и т.д.

5. Однако, в таких условиях, специфических и достаточно тяжелых, в которых находится музей-заповедник Ниса, возможны некоторые шаги, направленные на интенсификацию охраны и пропаганды памятников культурного наследия.

6. Прежде всего необходимо наладить работу по консервации и реставрации исследованных памятников. Как известно, в условиях Нисы это — наиболее острая проблема. Раскопки на Старой Нисе начались еще в 30-е годы. За это время многие раскопанные памятники превратились в безформенные руины; многие памятники исследованы лишь частично. В результате всего этого показывать на Нисе туристам до недавнего времени практически было нечего. Осуществляемая сейчас программа консервации и реставрации памятников уже привела к повышению интереса посетителей к Старой Нисе. Необходимо также закончить работы по исследованию памятников, раскопанных только частично. Без этого невозможно проведение реставрационных работ.

7. Необходимо также проведение специальных историко-топографических исследований, обеспечивающих на современном уровне фиксацию всех руин и исторического рельефа Старой Нисы.

8. Все эти работы возможны только при усилении хозяйственной самостоятельности музея-заповедника и привлечении серьезных научных сил из АН ТССР и АН СССР. Необходимо указать, что определенную помощь со стороны академических учреждений мы получаем, но, видимо, надо просить об усилении этой помощи. Благодаря поддержке ИА АН СССР, нам удалось заключить соглашение о научном сотрудничестве с Туринским университетом (Италия). Мы рассчитываем, что это сотрудничество поможет нам в развитии исследований Старой Нисы.

9. В последнее время нами были предприняты усилия по включению Старой Нисы в список мирового культурного наследия, составляемый ЮНЕСКО. В случае успешного решения этой проблемы мы смогли бы получить значительную финансовую и техническую помощь со стороны ЮНЕСКО, что способствовало бы интенсификации охраны и пропаганды такого замечательного памятника, каким является Старая Ниса.

А.С.Ахмедов
(Бафрам-Али)

ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЗАПОВЕДНИКА "ДРЕВНИЙ МЕРВ"

1. Образование государственного историко-культурного заповедника "Древний Мерв" способствовало резкому предотвращению многих нарушений на территории древних городов Мерва. До этого из-за отсутствия государственной охраны на протяжении многих десятилетий (особенно за последние 40 лет) десятки объектов, имевших хорошую охранность (причастные к древнему Мерву) остались под посевами, бесценные памятные места целиком стали жертвами грозных ковшей современной техники, десятки развалин древних домов и замков, многие археологические холмы, увалы, курганы полностью стерт с лица земли.

2. С первых дней своего существования дирекция заповедника занялась решением ряда злободневных для региона задач. Первоочередное значение имеет решение экологической проблемы региона, то есть спасение памятников от затопления подпочвенными водами, пу-

тем проведения открытого кольцевого дренажа-коллектора вокруг всей территории Мерва. Одновременно осуществляли заказ и изготовление проектно-сметной документации на проведение реставрационных и консервационных работ. Начато строительство временного помещения конторы и входной группы заповедника, подготовка к печати книги и буклетов. Был осуществлен ряд мероприятий по благоустройству отдельных объектов заповедника, установлена охранная зона, выведены из заповедной зоны незаконно проведенные арыки колхоза "Туркменистан" и т.д.

3. Перспективы развития деятельности заповедника связаны с тремя направлениями: научно-исследовательское обеспечение его работы, цикл мероприятий по консервации и реставрации памятников, мероприятия по культурно-воспитательной работе и пропаганде культурного наследия народов Туркменистана. По первому направлению необходимо активизировать археологические работы по уточнению топографии мервских городищ, научному обоснованию характера выявляемых структур. Очень важно создание постоянно действующего Совета заповедника с привлечением к его работе высокопрофессиональных специалистов и представителей общественности. По второму направлению особенно важно усиление материально-технической базы - увеличение мощности древнемервского участка РНПО "Туркменреставрация" или же переход на кооперативный способ реставрационных работ. Необходимо осуществить заказ и изготовление генерального плана и проектно-сметной документации на длительную перспективу, осуществить строительство здания для музея, административно-хозяйственных помещений и пункты отдыха посетителей. Важной задачей является организация пропагандистской деятельности, уточнение нескольких вариантов туристских маршрутов с должным лекционным освещением, обеспечением иллюстративным и памятными материалами (путеводители, буклеты, значки, открытки, памятные сувениры и т.п.). Необходимо наладить рекламную службу заповедника как в общесоюзном, так и международном масштабе.

РЕСТАВРАЦИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ МЕРВА в 30-х годах -
ВАЖНЫЙ ЭТАП В ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТССР

1. В сохранении и передаче культурного наследия наряду с учетом, регистрацией, законодательством, непосредственной охраной важное место принадлежит консервации и реставрации памятников.

2. Консервация и реставрация архитектурных памятников, которыми насыщены городища Старого Мерва, имеют довольно большую историю. Первая попытка консервации мавзолея султана Санджара была предпринята Мургабским государственным именованием в 1913-1914 гг. и была неудачной.

3. Положение, сложившееся с памятниками в Туркменистане, в том числе и с памятниками Мерва, вызвало серьезное беспокойство у правительства республики. Кроме того, тревогу за сохранность памятников высказывали и представители научной общественности. Попытки проведения ремонтно-реставрационных работ на мавзолее султана Санджара были предприняты еще в 1928 г., когда Институт туркменской культуры пытался одновременно с мавзолеем султана Санджара реставрировать другой крупнейший памятник средневекового мусульманского зодчества - мечеть Анау. Но из-за ограниченности ресурсов, как материальных, так и кадровых, эта попытка не увенчалась успехом.

4. В 1934 году по линии Межведомственного комитета по охране памятников материальной культуры и искусства ТССР вновь предпринималась попытка проведения ремонтных работ на мавзолее султана Санджара, которая, однако, из-за слабого технического проекта, некомпетентного руководства и осуществления ее силами местной стройконторы была опять обречена на неудачу. Ремонтные работы были остановлены по требованию ученых специалистов.

5. Приглашение специалистов-архитекторов из Государственной академии истории материальной культуры Н.М.Бачинского и В.И.Пильявского в 1936 году позволило существенно поправить дело в этом направлении. Они сразу приступили к обследованию и составлению актов технического состояния памятников средневековой архитектуры в Мерве, Куя-Ургенче, мечети Анау, наметили первоочередные

мероприятия по поддержанию и их частичной реставрации. Наиболее значительные работы были проведены на памятнике Старого Мерва — мавзолее султана Санджара и на мавзолее Мухаммеда ибн-Зейда (Мухаммеда Ханая).

6. Впервые на памятниках ТССР при проведении ремонтно-реставрационных работ проводились археологические вскрытия, внесшие важный вклад в развитие наших представлений о положении памятника (мавзолей султана Санджара) в дворцовом комплексе столицы сельджукидской державы — с восточной стороны было установлено возможное примыкание соборной мечети, а встреченные жженые кирпичи с голубой поливой и соответствующей формой документально подтверждали сообщение Якута о наличии у мавзолея голубого купола.

Кроме того, установлено наличие здесь пола из жженого кирпича. Частичной реставрации подверглась галерея первого яруса на северном фасаде памятника. По результатам обмеров была продолжена дискуссия о существовании галереи второго яруса. Эта дискуссия не закрыта по сей день. Архитекторами предложены разные точки зрения на первоначальный облик мавзолея.

7. Другим менее крупным, но не менее интересным объектом, подвергшимся реставрации, был мавзолей Мухаммеда-ибн-Зейда, расположенный в пригороде-рабаде Султан-калы. Здесь были проведены реставрационные работы отдельных элементов постройки: наружные сырцовые стены взяты в сплошную рубашку из обожженного кирпича, отреставрирован орнаментальный эпитафический фриз. Самое важное — был восстановлен обрушившийся купол.

8. Проведенные работы, несмотря на достаточно скромные объемы, проводились специалистами-профессионалами, характеризовались большой целеустремленностью, были оняты чертежи и другая документация, представляющая несомненный научно-практический интерес и в настоящее время. Непосредственно работы проводились народными мастерами (усто Курбан о сыном Раби и усто Юсуф), что обеспечивало высокое качество выполнения.

9. Эти работы на памятниках Мерва наряду с реставрацией в Бухаре мавзолея Саманидов и "падающего минарета" медресе Улугбека в Самарканде были крупнейшими в довоенное время на территории Средней Азии и явились важным вкладом в сохранении культурного наследия туркменского народа.

10. Выполнение триединой задачи: сохранить – изучить – использовать возможно благодаря распространяющейся сейчас такой организационной форме, как историко-археологические заповедники, которые организуют и координируют деятельность разных учреждений по охране и передаче культурного наследия. Этому призваны способствовать и заповедники Туркменской ССР, в том числе и Марвский.

Э.А.Мурадова
(Ашхабад)

РАСКОПКИ И ОХРАНА "АШХАБАДСКОЙ ГОРКИ"

1. Активизацией охранных мероприятий, проводимых на территории Туркменской ССР, является выделение средств Республиканским обществом охраны памятников истории и культуры ТССР для проведения археологических раскопок на "Ашхабадской Горке", подвергающейся постоянному варварскому разрушению.

2. "Горка", расположенная в центре Ашхабада, в 50-х годах была обследована А.А.Росляковым, а в 60-х годах Т.Ходжаниязовым проведены стратиграфические исследования, позволившие выделить четыре строительных горизонта. В культурных слоях шурфа представлен материал, начиная с античности до средневековья.

3. После двадцатилетнего перерыва, в сентябре-октябре 1989 г. были возобновлены археологические работы на "Ашхабадской Горке", сосредоточенные в южной части холма, на верхней площадке которой заложили раскоп размером 35 x 6-7 м, вытянутый по линии запад-восток. По всей площади раскопа шел слой мусора современного периода толщиной 30-40 см. Ниже этого слоя выявлена архитектура верхнего строительного горизонта: девять помещений и двор, входившие в часть жилищно-хозяйственного комплекса. Прослежено два этапа обживания в жизни этого комплекса. На первом (более раннем) этапе обживания функционировали все девять помещений и двор. На втором (более позднем) – помещения 6-9 прекратили существование. Это расширило площадь двора и его функции. Отличительными особенностями двора являлись: наличие очагов, тандыров, каменная вымостка. Заполнение двора отличалось более насыщенным культурным слоем, характеризующимся чередованиями наслоений органического характера, прожженных и зольных слоев, мусора, костей,

В западной части жилищно-хозяйственного комплекса размещалась вымостка-площадка (108 x 77 см) из жженных кирпичей, восточная часть которой предназначалась для стока воды. Об этом свидетельствует отходящий от вымостки желоб, выложенный из жженных кирпичей и его обломков. К этому желобу вплотную прилегал длинный цилиндрический кабур диаметром 15 см, который входил в другой цилиндрический кабур, но уже большего диаметра (26 см). Этот второй, с большим диаметром, кабур глубоко уходил под землю. Вымостка-площадка и отходящие от нее желоб из жженных кирпичей и два вставленных кабура являлись специальным сооружением (канализацией).

4. Со всей площади раскопа, на уровне верхнего строительного горизонта, собрана поливная и неполивная керамика, представленная пиалами, чашами, блюдами, кувшинами, горшкообразными сосудами, тагорами, хумами, светильниками. Керамика покрывалась монокромной глазурью различных цветов: голубой, зеленой, темно-зеленой, желтоватой, матовой и кремовой. Штампованный, стилизованный, растительный, геометрический орнаменты – своеобразный декор неполивной керамики. Кухонная посуда представлена стегатитовыми котлами.

Найдены металлические предметы. Среди бронзовых изделий следует отметить крышки с арабской надписью (благопожелания), конические стержни с декоративным навершием, шумовку, поднос. Среди железных изделий – топор-тесло, ножницы, набор гвоздей. Отмечены находки стеклянных миниатюрных сосудов и сосуда с рифленным орнаментом на тулове, имеющих парфюмерно-косметическое назначение.

Весь комплекс находок свидетельствует о развитии всех видов ремесел и позволяет отнести раскопанную часть постройки к концу XII – началу XIII вв. Планировочно-строительные принципы и характерные особенности жилищно-хозяйственного комплекса дают основания полагать, что на "Ашхабадской Горке" в конце XII – начале XIII вв. существовало поселение сельского типа.

5. В перспективе на "Ашхабадской Горке" – археологическом памятнике античности и средневековья необходимо продолжить научные исследования с целью выявления нижележащих стратифицированных комплексов с последующей их консервацией и использованием в качестве музея под открытым небом.

Установление охранной зоны и ограждения, вынесение всех застроек за линию охранной зоны, консервация раскопок 1989 г., создание музея для экспонирования артефактов – базотлагательные меры, способные спасти и сохранить памятник исторического и культурного наследия Туркменистана.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Массон В.М. Мерв - "Душа царей" во всемирной истории . . .	5
Ляпин А.А. Палеогеографические предпосылки возникновения Мерва	10

Новые археологические исследования городищ древнего Мерва

Усманова Э.И. Древнейший Мерв по данным раскопок на Эрк-кала	12
Логинов С.Д. Мерв эпохи Сасанидов в свете работ ЮТАКЭ . .	13
Ходжаниязов Т. Раскопки объектов сельджукской эпохи в Старом Мерве	15
Бердыев А.О. Изучение позднесредневековых городищ Мерва .	18

Новые археологические исследования памятников Мервской округи

Масимов И.С. Келлелинский оазис в эпоху бронзы	21
Мамадов М. Планировочная схема "прямоугольник с округлыми башнями на углах" в древней архитектуре Маргиана	24
Удеумурадов Б.Н. Обнаружение новых памятников в долине Мургаба	25
Губаев А.Г. Раннесредневековые памятники Мервской округи	27
Бурханов А. Гоша-депе - памятник домонгольского времени в Мервском оазисе	29
Нургельдыев А. Общественные водохранилища - сардобы в жизни средневекового Мерва	31
Бабаков О. Новые антропологические данные о средневековом населении Мерва	32

Мерв в древности и средневековье

Лившиц В.А. Письменные памятники из древнего Мерва	34
Никоноров В.Н. Маргиана и Мерв в античной историографии .	39
Ниязова М.С. Арабские источники о Мерве перед монгольским нашествием	42
Экаев О. Мервское сражение 1510 г. по данным средневековых письменных источников	44
Анианпесов М.А. Мерв VIII-XIX вв. в истории Туркменистана	46

Мерв и общие закономерности развития городской культуры Востока

Негматов Н.Н. Этапы развития урбанизации Средней Азии . . .	49
Буряков Ю.Ф. Модель формирования городских систем контактных зон (по материалам древнего Чача)	52
Байпаков К.М. Урбанизация на юге Казахстана	54
Горячева В.Д. Пути формирования и облик городских центров на территории Киргизии	56

Мерв и культурная жизнь Востока

Язбердиев А. Мерв как культурный центр средневекового Востока	59
Атагарриев Е. Городская жизнь в Северном Хорасане	61
Лунина С.Б. Мервская художественная керамика как источник познания духовной культуры средневекового общества .	63
Мирбабаев А.К. Об интерпретации зороастрийских погребальных сооружений Старого Мерва	64
Бяшимова Н.С. Художественная оценка производства глазурованной керамики	67
Юсупов Х. Трансрегиональные контакты Хорезма с Мервом (в свете раскопок памятников в Куния-Ургенче)	69
Бабаев А. К вопросу о средневековом пути из Абиверда в Мерв	71
Шарденова Э.Ж. Сауран и Мерв в эпоху позднего средневековья	72
Росляков А.А. Мерв и развитие военной стратегии среднеазиатских туркмен в XIX в.	73
Халимов Н.Б. Мерв и его культура по поздним письменным источникам	75
Курбансахатов К. Роль Маргианы в распространении раннеземледельческих культур в Средней Азии	77

Охрана и реставрация памятников культурного наследия

Мамилев А. Состояние и задачи охраны и пропаганды археологических и архитектурных памятников ТССР	80
---	----

Гутлиев Г. Пути и перспективы интенсификации охраны и пропаганды памятников культурного наследия (по опыту музея-заповедника Нисы)	82
Ахмедов А.С. Образование и перспективы развития историко-культурного заповедника "Древний Мерв"	83
Хан Н. Реставрационные работы в Мерве в 30-х годах - начало нового этапа в охране культурного наследия	86
Мурадова Э.А. Раскопки и охрана "Ашхабадской Горки"	87

**МЕРВ В ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОКА**

Тезисы

докладов научного симпозиума

Печатается по заказу
Института истории АН Туркменской ССР

Технический редактор **М.Кемаева**
Художественный редактор **А.Эсенов**

НК

Подписано в печать 17.09.90. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага газетная
Печать плоская. Усл.печ.л.5,34. Усл. кр. -отт.5,57.Уч.-изд.4,84
Тираж 500 экз. Изд.№97.Заказ 3980 Цена 70 к.

З а к а з н о е

Издательство "Ылым" АН ТССР.744000.Ашхабад, ул.Энгельса, 6
Типография АН ТССР.744012, Ашхабад, ул.Советских пограничников,
92 а

70 к.